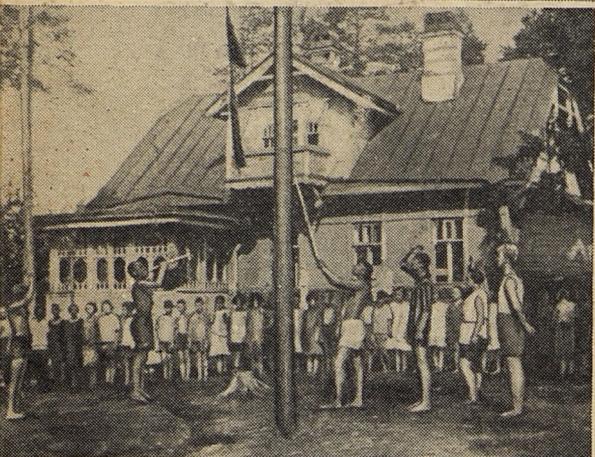

Декорка

НАМ
40
ЛЕТ

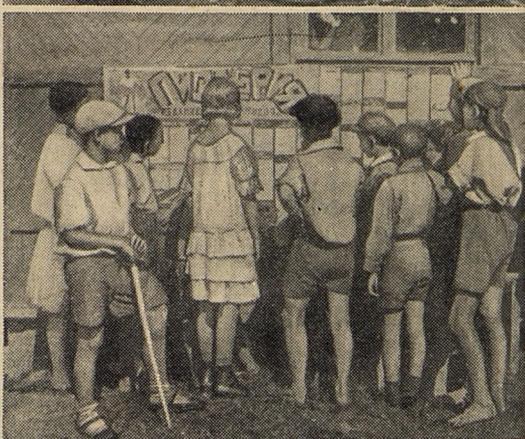

ЭТИ СНИМКИ разыскали красные следопыты клуба «Огонёк» при Дворце культуры имени Ленсовета: Вова Слатин, Таня Волнухина, Люда Федоренко и другие.

Осенью прошлого года отправились они по улицам, по дворам Петроградской стороны. Везде, где побывали ребята, оставались на стенах, на заборах приклеенные листовки: «Всех, кто был в первых пионерских отрядах или знает что-либо об их жизни, просим прийти в наш клуб «Огонёк».

Одним из первых откликнулся на призыв ребят Гавриил Александрович Лысанов. В 20-е годы Г. А. Лысанов был пионером базы Центрального района. Много интересного рассказал он ребятам. Сохранились у него и снимки той далёкой поры.

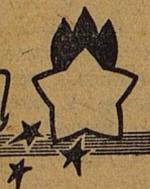
Из здания «Клуба старой и молодой гвардии», что помещался на углу Невского проспекта и набережной реки Фонтанки, выходят пионеры тех лет на Первомайскую демонстрацию 1926 года.

Второй снимок — библиотека, созданная ребятами на своей пионерской базе.

А летом ребята все вместе выезжали в пионерлагерь на станцию Графское. Жизнь там шла по тем же строгим пионерским законам: утром — линейка, подъем флага; картошку к обеду стирать — самим. А звено «Аэрофлот» выпустило тем временем очередную меру стенгазеты «Пионерия».

Искорка

Ежемесячное приложение к газете пионеров и школьников «Ленинские искры» — орган Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ Ленинградского Совета пионерской организации имени В. И. Ленина

Г. Саулов

Нам сорок лет

Гордась страны доверием,
Горя мечтою дерзкой,
Встречает пионерия
Свой праздник
пионерский.

Всем этот праздник дорог,
И радостно признаться,
Что нам сегодня — сорок,
А в среднем —
по двенадцать!

Дела мы делим дружно:
Ему, тебе и мне.
Как хорошо быть нужным
Народу и стране!

Нам по душе науки.
И верят в нас не зря:
Мы — правнуки и внуки
Героев Октября.

Проложим путь
к планетам
Сквозь океаны тьмы.
И звёзды — ясно это —
Освоим тоже мы!

Гордась страны доверием,
Горя мечтою дерзкой,
Встречает пионерия
Свой праздник
пионерский!

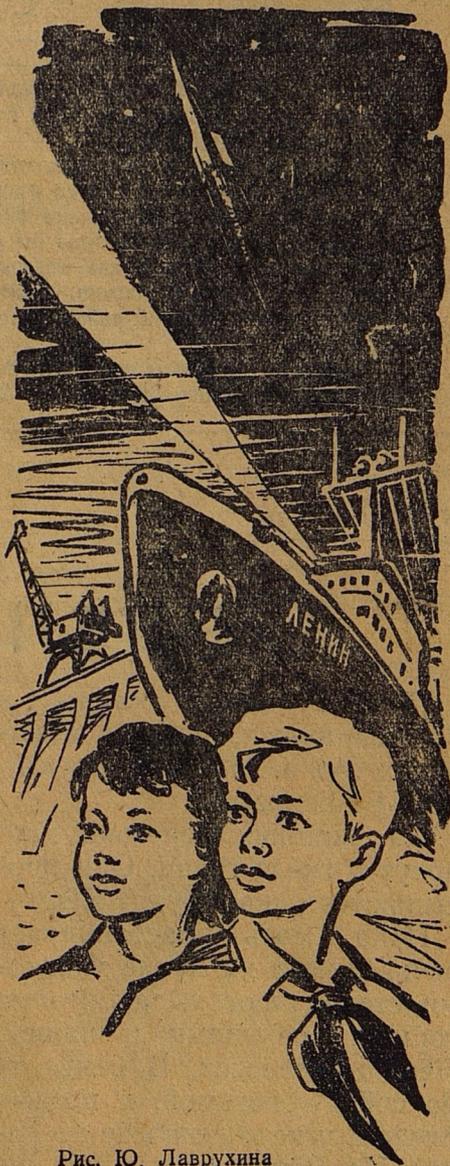
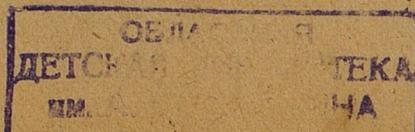

Рис. Ю. Лаврухина

05
Ж
и 8

инь

«Документы вашей биографии» — так назвали мы одну из статей третьего номера «Искорки» за этот год. Рассказывалось в ней о самых неопровержимых документах истории пионерской организации — фотографиях. Мы тогда обратились с просьбой присылать нам эти редкие снимки. И вот почта начала приносить в редакцию конверты со строгими пометками: «Осторожно, фото!» Первый конверт, второй, третий...

Очень интересный документ принёс к нам фотокорреспондент Н. Карасёв. Со снимка радостно улыбался нам весёлый белокурый мальчонка.

— Кто это?

— Не знаете?! Плохо. О нём нужно знать. Это — Лёша Фадеев, первый ленинградский

пионер, награждённый высокой правительственной наградой — орденом «Знак почёта». Снимок относится к 1936 году.

— А где Фадеев сейчас?

— Вот в том-то и загвоздка, что никто не знает. Известно, что в начале войны ушёл он добровольцем на фронт. Потом в газете промелькнуло письмо ребят его села. Они писали воину Фадееву, что, пока он сражается на фронте, они в тылу продолжают начатое им дело. А дальше... Дальше нужно искать.

Поиски продолжались два месяца. И совсем недавно редакция получила, наконец, долгожданное письмо. Адрес отправителя был такой: «Ростовская область, Семикаранкорский район, хутор Малый Мечетной, Фадееву Алесею Васильевичу».

Теперь-то мы можем рассказать подробно о тех больших делах, за которые ленинградский пионер Лёша Фадеев был удостоен высокой награды.

В. Родионова

Рисунки В. Адаева

ОРДЕНОНОСЕЦ

ИГРАЕТ талая вода в овражках, блестят в низинах лужи. Идёт по извилистой Вишерке лёд.

На высоких деревьях хлопчут у гнёзд грачи. Они просыпаются рано и будят Лёшку.

Пока мать растапливает печь, гремит на кухне ухватками, ставит на огонь закоптелые горшки со шами и кашей, Лёшка одевается. В семье он по счёту — восьмой, и потому одежда у него вечно не по росту. Но Лёшку это ничуть не

смущает. Наскоро поев, надевает он старые резиновые отцовские сапоги, натягивает братнин картуз с раздвоенным козырьком и вслед за матерью степенно идёт на скотный двор. Можно было бы и поспать, конечно, — Лёшку на работу никто не гонит. Сам идёт. Коренастому и розовощёкому Лёшке девять лет. Но это не важно. Важно, что вот уже год, как он пионер и к тому же шеф колхозного молодняка.

На скотном дворе крутоло-

бые телята тычутся мокрыми носами в поилки. Лёшка помогает матери втащить громадный бидон с молоком, приносит горячую воду и готовит поило.

В отдельной клетке, в углу двора, лежит крошечный чёрный телёнок. Ему только три дня. Лёша кормит его из соски. Бычок кротко моргает большими, как две мокрые сливы, глазами и доверчиво лижет шершавым языком Лёшкины руки.

— Ешь, Верный, не балуй!

Потом Лёша берёт скребок и начинает чистить соседей Верного — телят чуть постарше. Телята озоруют, стремятся опрокинуть ведро с тёплой водой и боднуть Лёшку широкими безрогими лбами. Зато гулять они бегут дружно — один за другим!

Лёша тоже уходит со скотного, — надо в школу, время уже.

С круч и обрывов мчатся звенящие ручки.

Дошколята с уважением провожают Лёшку глазами. Ещё бы! На груди у Лёшки красный галстук! Вон уголочек из-под пальто виднеется!

Дошколятам это, конечно, удивительно. Ведь всего в Селищах пионеров — девять. Остальные ребята — беспартийные. Кто боится в

пионеры записываться, кому родители не позволяют. Пионеры — это что-то новое.

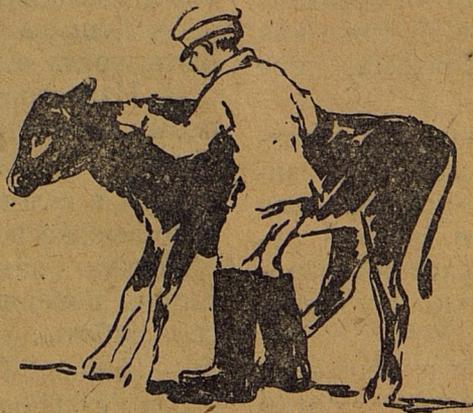
В деревне нового с каждым днём прибавляется. Два года назад организовался колхоз. А за ним сразу и пионерская организация.

Лёшкина семья в деревне самой бедной считалась. Зато в колхоз отец с матерью записались самыми первыми, за ними и другие потянулись. Лёшка в пионеры тоже чуть не самым первым записался. Ему тогда ещё и восьми не было, но приняли. Учительница Елизавета Александровна Зайцева тогда в город съездила, галстуки красные привезла. Один дала Лёше. С тех пор и носит он его на груди. Гордо носит, ни от кого не прячет.

А вот Маша и Шура Кондратьевы до сих пор ещё прячут галстуки. Будет им здоровая порка, если дома узнают, что они — пионеры. Трудно ещё в колхозе. Кулачье хоть и попритихло немного, а всё чего-нибудь исподтишка навредить норовит. В прошлом году «стригунки» объявились. Созрели хлеба, а кто-то к полю

поводился: ножницами чик-чик — и нет колосков, на земле валяются.

Пионеры тогда взялись за охрану полей. Днём и ночью дежурили. И вроде перевелись «стригун-

ки». А теперь в колхозе самое главное — молодняк. Маша и Шура тоже за телятами ухаживают. Володя и Валя Тониचेва над поросятами надзор взяли. А в общем-то все вместе работают, как и положено друзьям: один за всех, все за одного.

Но есть у Лёшки и закадычный друг — Петька Зайцев, сын учительницы. Вон он у школы стоит, в небо чего-то уставился. Ага! Жаворонок там! Ишь ты, прилетел уже! А Петя птиц любит, вот и заслушался. Потом увидел Лёшку:

— Идешь? Давай, а то опоздаем.

Петя всегда ждёт Лёшу около школы. Хоть и учатся они в разных классах, Лёша — в третьем, Петя — во втором, в школу всегда входят вместе.

— А меня, Лёша, на май обещали в пионеры принять, — похвастался Петя. — Вместе тогда в колхозе работать станем. Только я, знаешь, к лошадям хочу. Как ты думаешь?

— Дело хорошее.

— Коля Ильин и Митя Трифонов тоже хотят за лошадьми ухаживать. Мы их для Красной Армии вырастим, верно?

— А то как же! Я тоже как управлюсь с телятами, тебе помогать буду.

...Наступил июнь. По деревне тополиный пух вьётся. Озимые зацвели. В яровом поле земля от всходов гречихи румяной стала. Колхозникам работы успевай только. Ну и пионеры не отстают.

Под вечер Петя с Лёшкой в ночное отправляются. Мягко

ступают ноги по упругому бархатному ковру, путаются в цепких клеверах.

Садится раскалённый шар солнца. По небу алыми парусами плывут облака, а дню и конца не видно: бродят по небу всполохи белых ночей.

Петя в кустах уже костёр развёл. Сизый дымок разогнал комаров. И у Лёши уже всё в порядке: на удочку линия поймал, пару плотичек, — для ухи хватит! А на второе — картошка. Петя шевелит палочкой рубиновые угольки, выкатывает на траву обуглившиеся клубни. На зубах похрустывает, жжёт язык самая вкусная на свете печёная картошка.

Пофыркивают кони. Скрипят коростели-дергачи. Где-то перепела покрикивают: «Спать пора! Спать пора!»

Да разве уснёшь!

— Ты в газете про Павлика Морозова читал? — спрашивает Петя. — Вот это парень! По-настоящему с кулачём дрался. А мы что?..

— Мы тоже полезное дело делаем. Вот ты вырастишь свою Анку, в Красную Армию отдашь. Маршал Будённый спасибо скажет.

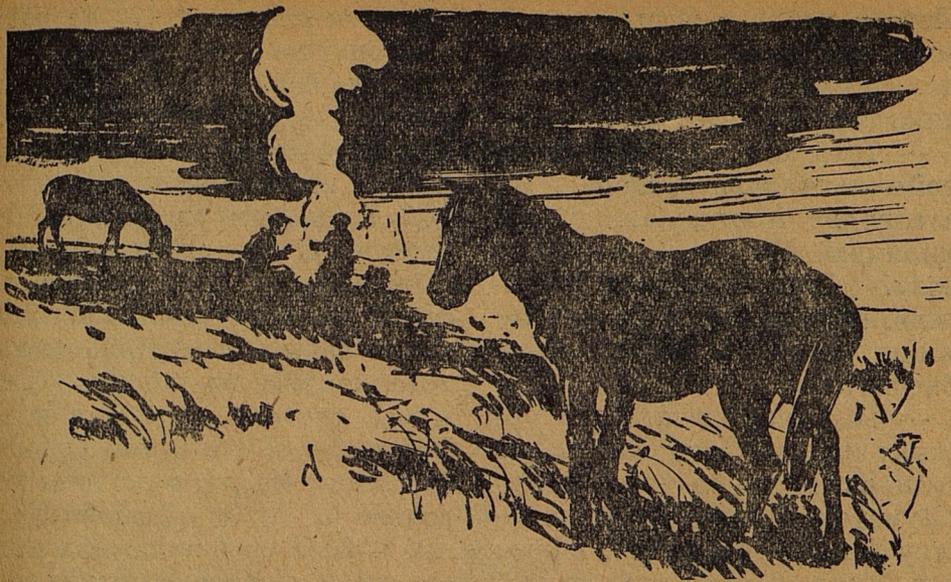
— Лёш, а ты кем хочешь быть, когда вырастешь?

— Известно кем. По сельскому хозяйству, к земле поближе.

— А я в лётчики пойду. Высоко-высоко полечу!

Петька замолчал, — замечтался, наверное. А у Лёшки свои заботы:

— Знаешь, Петь, пришли мы вчера с Нюшкой Сергеевой

своих телят посмотреть, а их как раз тётка Аграфена поит. Глянули мы, а в молоке мусора — страшно прямо. Ну, мы к председателю. Так и так, говорим, непорядок. Председатель и погнал её с работы.

— И правильно сделал.

— Конечно правильно. Только мне тётку Аграфену жалко чего-то...

ПОСПЕЛИ на лугах травы. Застрекотали сенокосилки. Пете с Лёшкой забота: надо сено подшефным заготавливать. Ребята встают спозаранку. Выходят в поля — трава ещё мокрая, туман стелется.

С первыми лучами солнца открывают свои длинные ресницы одуванчики.

Лёша и Петя работают сосредоточенно, молча, лишь иногда словцом перебросятся. Тонко поют упругие косы. Петя спугнул стайку голубых мотыльков. Кажется, что это лилово - голубые колокольчики

выпорхнули из-под косы и заплясали в прозрачном воздухе. Маша и Шура Кондратьевы, Нюша Сергеева и Валя Тоницева тоже помогать пришли. Жарко. Ладони горят от граблей. Скошенное сено дышит в лицо пряным ароматом. Будет на зиму корм! Не пожалуются телята да жеребята на своих шефов. Сильными, здоровыми вырастут.

А ребята тоже растут. С каждым годом взрослеют.

Вот уже Лёшка в пятый пошёл, Петя — в четвёртый. Маленький чёрный телёнок, которого Лёшка кормил из соски, превратился в красивого быка. Петина Анка стала изящной, шоколадного цвета кобылицей. Но не всегда всё идёт гладко.

Как-то не хватило в колхозе кормов. Не давали Анке овса. Три дня Петя ходил печальный и злой. Елизавета Александровна даже слышала, как ночью плакал он, уткнувшись в подушку. А наутро забрался

Петя в кабинет отца — директора школы, сел возле телефона, думал-думал о чём-то и снял трубку:

— Тётенька телефонистка, дайте, пожалуйста, город... Что в городе? Милицию... Да-да, милицию. По очень важному делу. — В трубке что-то пошипело, пощёлкало, и на другом конце провода послышалось басовитое: «Алло».

— Товарищ начальник? Говорит пионер Петя Зайцев, из селищенского колхоза имени Крупской. Понимаете, я шефствую над жеребятами, а овса нет. Анка может погибнуть... Кто такая Анка? Лошадь это. Моя подшефная, понимаете? Я же её для Красной Армии рашу! А овса не дают. Председатель говорит — нету...

Через день к школе подкатила сверкающая лаковой краской машина. Подтянутый военный попросил провести его к пионеру Пете Зайцеву, и, когда тот появился на крыльце, откозыряв вручил ему большой мешок овса.

— Вот это отчудил Петя! — качали головами одноклассники. Лёшка, разобравшись что к чему, тоже высказал своё мнение:

— Правильно.

Всю зиму Анка жила в конюшне при школе. Никому не доверял её Петька, сам чистил, сам кормил и поил свою любимицу.

А Лёшку одолели задачи. Никак не решаются! На улице прямо под окном мальчишки в ножички играют, Лёшку зовут, а тут задачи никак с от-

ветом не сходятся. Ну да хоть выглянуть в окошко разве...

Выглянул — тихо-тихо на улице. С чего бы это вдруг? Куда все подевались? Лёшка глянул вдоль улицы, и рот от удивления сам раскрылся: по дороге, нагнув тяжёлую голову с кривыми рогами, волоча за собой на цепи огромный кол, храпя бежал бык. Мальчишки позабегались на заборы. Женщины хватили своих ребятишек и бегом — в избы. Только соседский Ванятка остался на дороге и мирно ковырялся в пыли. Бык ещё ниже склонил голову и медленно пошёл на мальчонку. Ванятка вскрикнул, побежал и упал в грязь.

Лёшку из окна словно сквозняком вынесло. Выскочил в чём был и к быку:

— Верный! Назад, Верный!

Бык остановился как вкопанный, только долго ещё ходили крутые разгорячённые бока. Поднял Лёшка вывороченный быком кол, положил на плечо и зашагал к скотному. Верный, понятно, сзади. Ох уж этот бычина! Ну и хлопот с ним. Председатель даже обещался на заготовительный пункт его отправить, да Лёшка не дал, упросил председателя. Жалко: ведь это первый его подшефный. Сколько он потом ещё телят вынянчил, а это — первый.

Зимой, в феврале, пришёл в сельсовет приказ: из всех ребят, шефствующих над молодняком, отобрать самого лучшего и направить в Москву на совещание животноводов. Не случайно, конечно, сюда позво-

нили. Слава о селищенских пионерах давно уже шла по области. Лучше всех работали Петя и Лёша. Их даже для кино снимать приезжали, в журнал «Октябрёнок».

В сельсовет учительницу звали.

А вечером запыхавшийся Лёшка вбежал в комнату Елизаветы Александровны:

Кремль! И мавзолеей! Вот здорово!

— Всё увидишь, Лёша! И мы все за тебя рады. Когда едешь-то?

— В понедельник... — Лёша вдруг запнулся и покраснел.

Елизавета Александровна понимающим взглядом окинула его крепкую маленькую фи-

— Елизавета Александровна! Меня в Москву посылают! Вы слышали?

— Слышала, — улыбнулась учительница, отрываясь от тетрадей.

— Красная площадь там! И

гурку: огромные подшитые валенки, выдавшие виды штаны с большими серыми заплатами и тесную курточку с очень короткими рукавами. Лёша под её взглядом смутился ещё больше.

— Ничего, Лёша, — снова улыбнулась учительница. — Это дело поправимое.

Елизавета Александровна

вышла в другую комнату и скоро вернулась с матроским костюмчиком в руках. Лёша сразу узнал: Петин! Только Петя надевал его редко, по самым большим праздникам.

— Ну-ка, — Елизавета Александровна положила вещи на спинку стула, — вы с Петей-то, похоже, одного роста. Так. Даже длинновато чуть-чуть. Ну, это мы с твоей мамой поправим. До понедельника ещё время есть.

...13 февраля 1936 года в Большом зале Кремлёвского дворца открылось совещание передовиков животноводства.

Лёша до этого не то что в Москве не бывал, а вообще о больших городах знал лишь из книжек. В Малую Вийшеру и то только один раз ездил. А тут — Красная площадь! Высоко в небо уходят башни Кремля. Застыли у мавзолея часовые. Сзади голубоватые ёлки стоят тихо-тихо: тоже как на посту. Стрелка на часах Спасской башни медленно приближалась к десяти.

Лёша достал свою красненькую книжечку-пропуск. Часовой, взглянув на неё, а потом на Лёшку, посторонился, откруывая ему дорогу.

Большой зал удивил Лёшу ослепительным сиянием люстр. В его Селищах копят керосиновые лампы, а тут!.. Лёша подумал, что в такой зал три деревни можно поместить и ещё место останется. Ноги тонут в коврах, совсем как в клевере. А народу! Видимо-невидимо.

Растерялся Лёша. В зале нет ни одного свободного ме-

ста. Но кто-то взял его за руку и провёл к самой трибуне. В первом ряду сидели тоже ребята — шефы молодняка из разных республик. Лёша отдал салют и сел рядом.

Начались выступления животноводов. Лёше особенно одно запомнилось.

— Баразби Хамгоков, пионер Кабардино-Балкарии, — назвал чью-то фамилию председатель. И вдруг поднялся Лёшин сосед и пошёл к трибуне.

Баразби рассказывал, как он шефствует над жеребятами, как вырастил для Красной Армии коня Костика. Потом встал Маршал Советского Союза Будённый, подошёл к Баразби и крепко-крепко пожал ему руку.

«Надо про Петю рассказать, — подумал Лёша, — про его Анку», — и тут же послал в президиум записочку: «Прошу слова от селищенских пионеров и колхозников».

Совещание продолжалось.

А 24 февраля Лёша раскрыл газету «Правда» и увидел список животноводов, награждённых орденами и медалями. Кто-то подчеркнул карандашом цифру 208. Взглянул на неё Лёша и обмер: в газете было напечатано, что пионер колхоза имени Крупской Мало-Вишерского района Ленинградской области Фадеев Алексей Васильевич награждается орденом «Знак почёта».

28 февраля Лёша вместе со всеми пришёл на заседание Президиума ЦИКа. И там опять прочли его фамилию.

Зал заплодировал, а Лёшино сердце укатилось куда-то далеко-далеко в пятки, уши стали пунцовыми. И, чтобы побороть смущение, Лёша не встал, а вскочил и почти бегом побежал к Михаилу Ивановичу Калинин.

Михаил Иванович, улыбаясь, протянул Лёше коробочку с орденом и грамоту ЦИКа, крепко пожал руку. И тут Лёша снова не выдержал торжественности момента.

— Михаил Иванович, — затараторил он, — друг у меня есть: Петя Зайцев. Он тоже для Красной Армии коня вырастил, как Баразби. Хорошего коня. Очень хорошего — Анку. Он её так в честь чапаевской пулемётчицы назвал...

— Молодцы ребята! — сказал Калинин. — Передай Пете привет. Думаю, что Семён Михайлович с радостью возьмёт его коня в кавалерию. Да ещё постарайтесь сделать так, чтобы все ребята стали такими же хорошими шефами молодняка, как вы сами. Тогда мы весь ваш отряд в Москву пригласим!

ВСЕМУ отряду в Москву приехать не удалось, — война помешала. Но на фронт в окопы принесла полевая почта письмо Алексею Васильевичу Фадееву. Писали ребята из деревни Селищи, что не забыли они дела, начатого пионером Фадеевым, и сейчас, в дни войны, выращивают молодняк для воинов нашей армии.

А. В. Фадеев

И вот пролетело ещё не много лет. Совсем недавно в деревню Селищи тоже пришло письмо — Елизавете Александровне Зайцевой. Старая учительница по-прежнему живёт здесь. Тяжёлое горе досталось ей от войны: не вернулся с фронта домой Петя. Но много учителей детей — все, кого научила она читать и писать, любить свою Родину. И все они помнят её, пишут.

В письме оказалась фотокарточка. На обороте мелким убористым почерком написано: «На память тому, кто воспитал меня, кто сделал для меня так много хорошего, кого я никогда не забуду — Елизавете Александровне Зайцевой от бывшего ученика Фадеева Алексея Васильевича. 5 октября, 1961 г.»

ГЛАВНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Вот уже несколько лет знаком я с одним человеком.

Зовут его Николай Максимович Фарафонов. Он бывший военный моряк, капитан первого ранга в запасе.

Вечерами, попыхивая короткой трубочкой, рассказывал он мне разные разности о своей жизни. Рассказывая и минуты не сидел на месте: мерил короткими шагами комнату, рубил для выразительности воздух крепкой рукой и в свои пятьдесят семь лет казался лет на пятнадцать моложе.

Однажды я так и сказал об этом Николаю Максимовичу.

— Ну и что же? — остановился он посреди комнаты. — Всё правильно. Мне стареть никак не положено. Не позволяет главная моя специальность. Согласны?

Я подумал-подумал и согласился.

Вот об этой-то главной специальности Николая Максимовича Фарафопова я и хочу вам рассказать.

ЕСЛИ НАДО ДЛЯ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ну и устал же сегодня Коля Фарафонов! Все дворы на соседних улицах обегал, с уймой ребят переговорил.

Ребята таращили на него изумлённые глаза и переспрашивали:

— Отряд? Какой отряд? Это как в «казаки-разбойники»?..

Коля сердился. Маленький, тощенький, он хотя и работал уже слесарем на «Красногвардейце», но в свои семнадцать выглядел ничуть не старше этих ребят. Тош же был потому, что тиф недавно перенёс, а сердился — так ведь устал!.. Дома — больная мать, сестрёнки мал мала меньше... Да ещё такое не-

обычное поручение заводской комсомольской ячейки: агитировать ребятню в пионерский отряд!..

Но сердился Коля молча, про себя, а вслух терпеливо объяснял:

— Пионеры — это значит первые везде. Ну, вроде коммунистов, только возрастом помладше. Ясно?

Ребятам не очень ясно, но разве всё сразу объяснишь?!

Вечером они всё же собрались в доме на улице Полозова.

Командира отряда ребятня величает почтительно: «товарищ Коля». А он сидит за столом торжественный. Ради такого случая даже принарядился, сапоги начистил. Отец подарил ему фуражку кожаную, шофёрскую: у какого-то беляка отобрал. Лежит эта фуражка на столе, доньшком книзу, изумляет всех своей неопишуемой красотой. Пусть видят ребята: командира прислал им комсомол настоящего! Вот только штаны подкачали: заплат на них — не сочтёшь. Потому и сидит Коля не вставая, чтобы не нарушать командирскую красу.

Среди прочих ребят ступила через порог комнаты и рыжая девчоночка. Почтительно кашлянув, отрекомендовалась:

— Саша Гринкевич я... К товарищу Коле... Приказывали явиться?

Голосок у девчоночки тоненький, несмелый будто, а глаза — не поймёшь: то ли испуганы, то ли смеются?

Коля строго поскрипел сапогами и поправил рыженькую:

— Не приказывал, а приглашал. В пионерский отряд. Он из дворовых ребят создаётся. Для борьбы за мировую революцию! Ну и для разных других дел: заводу поможем, беспризорников будем вылавливать, деревья посадим, стрелять научимся. Интересно?

Девчонке интересно, трянула косичками:

— Пиши в отряд!

Вот только когда товарищ Коля сказал, что должна она теперь изучать Карла Маркса, девчонка немного струнула. Но потом согласилась, — изучит. Раз это надо для мировой революции.

«РАЗВЕ ВЫ ЧЕМБЕРЛЕНЫ?»

Рос отряд имени Володарского. С песней шагал он по Петроградской стороне. Пел про синие ночи, которым взвиваться кострами, и сам взвивал эти костры в походах. А потом шагал на субботники или на родной «Красногвардеец».

В заводские ворота входили строем, с развёрнутым знаменем. И, конечно, под барабан. Барабан был огромный — оркестровый! Добыли его в какой-то воинской части. Барабанщик — мальчонка лет двенадцати — сгибался под его тяжестью, но шагал в ногу, палками бил сильно и в лад.

Концерт в клубе дали такой, что папани и мамани рас-

трогались до слёз. А назавтра привели на базу новых парнишек и девчат. Это-то и было главным в те дни двадцатых годов — чтобы ширилась, росла пионерия. За это не только агитировать, но порою и драться приходилось. Самым настоящим образом.

Однажды пошли «володарцы» по дворам другого квартала, выудили там «неорганизованных», сколотили новый отряд — подшефный. А вечером Коля Фарафонов со своим помощником Володей Сендерихиным отправился туда проводить первую беседу.

Пришли. Сендерихин беседу проводит, Коля ждёт своей очереди, пока что по комнате похаживает. Выглянул в окно, видит: за воротами собралась какая-то подозрительная ватага. Несколько здоровенных парней, ну и мелкота на подхвате. В чём дело?

Пока Сендерихин беседовал, Коля вышел за ворота.

— Кого ждёте? — спросил в упор.

— Сендериху, — объявляет один из мелкоты. — Бить его будем. Побьём маленько и отпустим. А если не представите его сей секунд — весь отряд отколошматим. Верно, Петя?

«Петя» — саженный детина лет двадцати пяти — наклонил бычью голову: так, мол, и будет!

Понял Николай: хотят новый отряд пустить в распыл. Отстаивать Сендерихина — значит дать для этого зацепку. Эх, «володарцы» далеко!.. А новички ещё не спаяны, разбегутся со страху, потом

уж их на базу и калачом не заманишь.

— Ладно, — говорит Коля, — берите Сендерихина. Но чур — остальных не трогать. Идёт?

— Замётано...

И шайка пропустила отряд. Володя Сендерихин выходил из ворот последним. Не успел он появиться на улице — отёрли его к стенке. Высокий, худой, нескладный, стоял он щурясь на зимнем солнце. Коля встал рядом с ним.

— Хорошо, — пробурчал «Петя». — Компот сварим из обоих.

— Гадина ты, — спокойно ответил ему Коля. — Где ты был, когда наши батьки кровь за советскую власть проливали?

«Петя» опешил. Ватага, пригнувшаяся для первого прыжка, тоже застопорила ход. Ведь есть же среди этих ребят и такие, чьи отцы погибли под белогвардейскими пулями. Прислушались.

И тут Володя взорвался:

— Ты, бандюга, лют на меня за то, что я ребят от тебя в пионеры увёл, что жизнь им хорошую хотим сделать! Нá, бей меня кулаком, пулей бей — не боюсь я тебя, гидру! Всё пионерство не убьёшь!

Выпрямившись, грудью лезет Сендерихин на ватагу. И Коля шагает вперёд. Так, наверное, шагнули бы они навстречу белогвардейцам, под пули всей мировой буржуазии шагнули бы.

Бандит от неожиданности

пятится назад. И шайка это видит. И слышит, как командир «володарцев» злым голосом кричит:

— Шантрапа несчастная! Чем так барахлить, к нам бы в отряд подались!

Это — как бомба! Таких — в отряд?! Ватага растеряна, изумлена. И сам Коля — не меньше. Но размышлять некогда — куй железо, пока горячо.

— А что?! — кричит он ещё громче. — И примем! И пионерами сделаем! Разве вы Чемберлены какие-нибудь?! Кто желает — подымай руку!

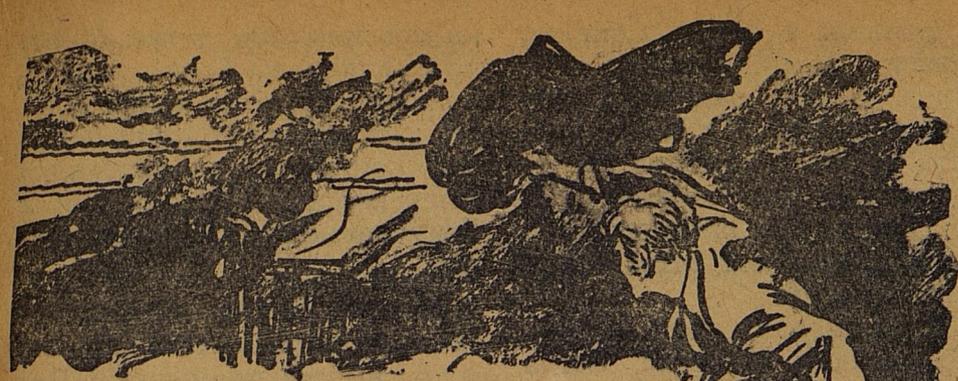
Хоть бы одна рука поднялась, хоть бы одна...

Но ни одна не поднимается, потому что спохватившийся «Петя» коротким ударом валит Сендерихина с ног. И тогда в полную силу семнадцатилетнего рабочего парня, не раз имевшего дело с железом, бьёт Коля главаря. Но он крепко, этот бандюга. Пошатнувшись, он снова занёс свинцовый кулак... И шлёпнулся на землю. Это Володя, изловчившись, рванул его за ногу.

Хочет ватага, — она уже за тех двоих, не попятившихся, не вставших на колени. «Петя» понимает это. Отчаянно ругаясь и прихрамывая, покидает он поле боя. За ним удирает ещё человек пять.

А остальные? «Володарцы» не дают им отдышаться:

— Так кто желает в отряд? Все желают? А ну, становись! В линию, в линию, как люди, а не бузотёры! Отря-а-ад... Шагом... арш!

Со свистом и улюлюканьем пошёл «отряд» по улице. Постепенно стих, приосанился. Коля Фарафонов шёл в голове строя, громко подсчитывая шаг.

И ОГОНЬ СДАЛСЯ...

Сколько всего было! И нового, и трудного, и непривычного. Само слово «вожатый» — всем и каждому в диковинку! Приходилось вожатому Фарафонову и скаутские отряды распускать, и создавать новые — пионерские, а в двадцать третьем году и целой Василеостровской районной дружиной командовать. Хлопот было много. Но и радостей день ото дня прибывало: хорошие ребята в отрядах росли — дружные, смелые.

...Отряд балтзаводцев давал в заводском клубе концерт. Уже смеялся зал над скетчем о пионере, впавшем в «комчванство», уже выбежали на сцену отрядные гимнасты и строили «живую пирамиду», как вдруг услышал вожатый за кулисами тихий вскрик: — Пожар!..

Зал не слышал этого вскрика. Но все, кто был на сцене, его слышали. Если бы дрогнул хоть один гимнаст — распалась бы пирамида, паника перекинулась бы в зал, быть бы большой беде. Но гимнасты не дрогнули.

И тогда Коля, отдавший шёпотом какой-то приказ, бросился с подручными мальчишками в фойе. Ребята

схватились с огнём. Сбивали пламя с замкнувшихся проводов, с уже занимавшихся стен и дверей. Их могло свалить током, но ребята не отступали, забыв обо всём, кроме грозящей опасности. И огонь сдался под этим бешеным напором.

Зал бушевал, узнав о том, что сделали пионеры. Когда их вытащили на сцену — чумазных, мокрых, всклокоченных, — отцы рвались к ним, чтобы обнять храбрецов. Но вожатый, утерев пот с лица, сказал:

— Тише, товарищи! Концерт продолжается!

И Саша Гринкевич начала выступление «живгазеты».

ДОРОГИ И ГОДЫ

А через год отряд проводил своего вожатого: товарищ Коля уходил служить во флот. Далеко с берегов Невы унесла волна моряка — на Чёрное море.

...Углая лайба отвалила от пирса, вырулила вразрез волне, и пошла туда, где свинцово-зелёные валы сшибаются друг с другом. На лайбе — пулемётишко. Держась за его кожух рукой, всматривается морской пограничник Фарафонов вдаль. Тревога! Натужно заревел старенький мотор, понеслась лайба вдогонку за лихим баркасом контрабандистов.

Потом лайбу сменил настоящий сторожевик, — креп советский военный флот. Капитан Фарафонов, командир сторожевика, неделями бывал

на морском дежурстве. А возвратившись на берег, радостно спешил к дому, знал: ждёт его там верная подруга — Саша Гринкевич — Александра Александровна. Стали они к тому времени мужем и женой.

Вышли вдвоём из пионерского отряда, и сколько же дорог вместе прошагали! Через трудную морскую службу, невзгоды, испытания... В войну Николай Максимович бился с фашистами на Балтике. Тогда и легли на его грудь семь боевых орденов...

С той поры тоже пролетели годы. И вот настал день, — было это в 1959 году, — когда явился Николай Максимович домой и доложил Александре Александровне:

— Ну, поздравь запасного офицера. Теперь китель буду надевать только по большим праздникам. Так сказать, морской парад в домашних условиях. Грудь в орденах, на ногах шлёпанцы — пенсионер первого ранга!

Шутил, а глаза всё же были невесёлые. Трудно человеку вот так круто курс своей жизни менять. Столько лет в работе, в сраженьях, мирных и боевых, а тут... Встал, газетку почитал, радио послушал — опять спать пора. Нет, такая жизнь капитану нелегко.

Всё-таки однажды ушёл куда-то и вернулся к вечеру довольный.

— Поручение имею, — говорит. — От ДОСААФа. Мальчишек морскому делу учить.

На шляпках в поход с ними пойду...

Александра Александровна только головой покачала:

— На шляпках? А гипертонию свою дома оставишь или тоже в поход возьмёшь?

Рассердился капитан. Но потом затих. Шагает по комнате, думает, попыхивая трубочкой. Видно, теперь и впрямь ему — только бережком, бережком... Чудо, что ли, какое-нибудь случилось бы! Вот, скажем, стрелка часовая помчалась бы назад!.. Ну да нет — чудес на свете не бывает...

Но в это время послышалась трель дверного звонка. Гремел он властно и настойчиво, словно и впрямь чудо звонило к капитану.

ВАС ОЧЕНЬ ЖДУТ!

На пороге комнаты стоял пухлощёкий мальчишка лет одиннадцати. Очевидно для солидности, он кашлянул и представился:

— Саша Тараха. Красный следопыт восемьдесят первой школы. Если вы Николай Максимович Фарафонов, то, значит, я вас нашёл.

— Поздравляю, — ответил Николай Максимович, усаживая гостя, — а я и не знал, что потерялся. И трудно было найти?

— Ох, трудно! — вырвалось у гостя. Но тут же он поправился: — Ничего! Мы привычные. Красные следопыты, то есть. А это что? — Саша указал пальцем на фотографию, висевшую на стене.

— Бывший дворец Кшеинской.

— Это там в подвале помещался ваш отряд «володарцев»?

— Там... А ты-то откуда знаешь?

— Знаю. Это моя следопытская тайна.

Так началось. Николай Максимович беседовал с Сашей Тарахой часа два. О первых отрядах, о годах, когда сам был вожатым.

— Одевайтесь, — сказал наконец Саша. — Пожалуйста. Вас очень ждут.

Растерянный и взволнованный, капитан даже не очень хорошо понял, почему он вдруг попал к Саше в подчинение. Но оделся и послушно отправился за неожиданным гостем.

«А ГДЕ ОНИ СЕЙЧАС?..»

Тот день показался Николаю Максимовичу таким, словно повернул он штурвал корабля на сто восемьдесят градусов. Всё изменилось: курс, ветер, время...

Многоопытный разведчик Саша Тараха привёз его во Дворец пионеров на слёт красных следопытов Ленинграда. Ярко горели люстры. В их свете невысокий коренастый человек казался помолодевшим. Или отсветы прежних дней высветлили его лицо? Ведь рассказывал он о песнях и делах первых пионеров, вспоминал латаные штаны «товарища Коли», голодуху, тиф, тревоги и счастье двадцатых годов.

И многие годы спустя снова повязали Н. М. Фарафонову алый пионерский галстук...

— А когда умер Ильич, — закончил Николай Максимович, — пионерский отряд Балтийского завода взял его имя. И клятву мы дали — жить, как он! И прожили, я думаю, этой клятве не изменяя.

Зал притих. Потом чей-то голос несмело спросил:

— А сколько вас тогда было, в первых отрядах?

— Много. Сто двадцать у «володарцев», сто пятьдесят — в отряде Балтзавода.

— Где же они сейчас, ваши пионеры, Николай Максимович?

И капитан неожиданно растерялся. Кое о ком, правда, рассказал. Но только кое о ком.

ЭКСТРЕННЫЙ СБОР

— Вот так штука! — сказал Николай Максимович дома Александре Александровне. — Понимаешь, Сашенька, ребята-то меня на мель посадили. Был, спрашивают, отряд «балтзаводцев»? Был. А где

он сейчас? Вот тут-то я и открыл кингстон!..

Николай Максимович подбежал к столу, выдвинул ящик, достал лист бумаги и конверт.

...Сидел гражданин Поспешин у себя дома в Москве. Отдыхал после работы. И вдруг в квартиру к нему — сержант милиции! Очень изумился хозяин квартиры: вроде бы никаких нарушений за ним не числилось!.. А милиционер ещё и предлагает что-то совсем уж странное:

— Вы гражданин Поспешин? Тогда танцуйте!

Гражданин Поспешин наклонил голову: мол, станцую, только сперва позвоню в скорую помощь — пусть приедут за сержантом.

Потом хохотали оба пять минут без передышки, а гражданин Поспешин всё же танцевал, согласно неписаному обычаю: получил письмо — пляши! Сержант вручил ему письмо. Оказывается, пришло оно из Ленинграда. Адрес был приблизительный. Почта с ног сбилась, отыскивая адресата, и в конце концов отправила письмо назад отправителю. Но отправитель оказался человеком упорным: обратился в московскую милицию с просьбой помочь найти гражданина Поспешина. И вот конверт прибыл по назначению.

Через несколько дней гражданин Поспешин уже мчался в поезде, увозившем его в Ленинград, к «товарищу Коле».

А бывший вожатый «балт-заводцев» продолжал искать по всему свету других членов своего отряда. Одного нашёл в Китае, где тот был в служебной командировке, другого настиг во Владимире — и съездил к нему. Почта разносила конверты, а сам Николай Максимович носился по городу. На заводах и в учреждениях отыскивал он своих бывших пионеров.

...И вот они собрались на его квартире, на улице Блохина в доме номер 8. Не все 120, правда, — многих ведь унесла война, иные издали прислали телеграммы. Но отряд собрался! Поседевшие, они всё же отдали своему вожатому пионерский салют, и выстроились на линейку, и спели «Взвейтесь кострами», и тут же решили помогать сегодняшним пионерам всем, чем только смогут. Потом разошлись. А через месяц собрались снова, немного даже удивившись этому.

— Живёт отряд! — объявил

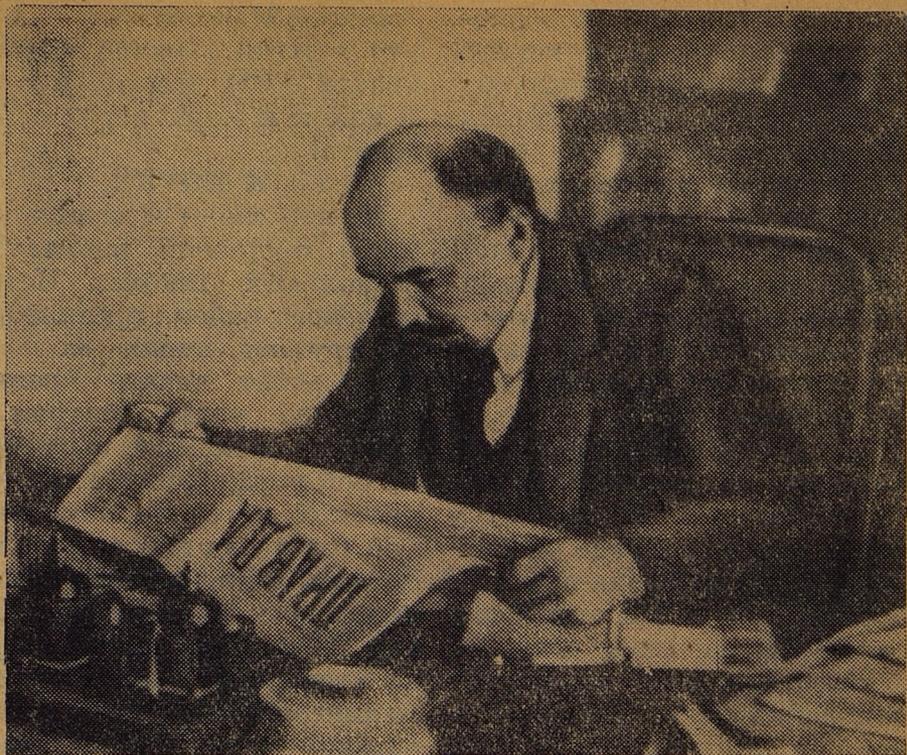
Николай Максимович. — А вы что думали? Пионерская закваска — это вам не пустяк! Я ещё и к морю вернусь, погодите!

К МОРЮ!

И что же — вернулся и к морю отставной капитан. В нескольких школах Петроградского района организовал он кружки юных моряков. Учит ребят вязать крепкие морские узлы, снаряжать шлюпку к походу, выгребать на ней вразрез волне так, что никакой ветер не остановит.

А год назад избрали ребята Николая Максимовича командиром всех красных следопытов Ленинграда. И ещё избрали «товарища Колю» членом Ленинградского совета пионерской организации имени В. И. Ленина, председателем секции старых пионеров. Проще говоря — их вожатым.

...Вот теперь, наверное, и вы поняли, какая главная специальность у «товарища Коли» и почему никак нельзя ему стариться.

Ленин читает «Правду»

Наверное, все знают эту фотографию 1918 года — «В. И. Ленин читает „Правду“». Её часто воспроизводят. Вот она перед вами.

И удивительно то, что сам Владимир Ильич не заметил, как фотограф П. А. Оцуп снял его.

Еще в конце 1917 года Оцуп заручился согласием Владимира Ильича сделать его портрет. Но случилось так, что сфотографировать Ленина удалось только через год, уже в Москве.

В назначенный день Оцуп пришёл в кабинет Ленина. Пока устанавливал штатив и наводил на фокус, Ленин углубился в чтение «Правды». Приготовления закончились, а Владимир Ильич всё читал. И фотограф не стал отрывать его: не теряя времени, сде-

лал три снимка. Потом Ленин отложил газету, и съёмка началась. На завтра Оцуп показал Владимиру Ильичу свежестреленные снимки.

— Откуда эти, с газетой? — удивился Ленин. И, выслушав объяснения Оцуна, улыбнулся: — Опасный народ вы, фотографы!

...Газеты «Правда», «Известия», «Экономическая жизнь», «Беднота» и специальные, вроде «Всемирной кочегарки»; газеты на немецком, французском, английском и итальянском языках, — в иной день Владимир Ильич прочитывал больше тридцати газет.

Тот, кто посетит рабочий кабинет Ленина в Кремле, увидит позади его стола две этажерки. На

них — комплекты газет. Русских и иностранных. И собрание фотографий «Правды» 1917 года.

Следить за множеством газет Владимир Ильич привык с давних пор.

С чтения газет начинался день Владимира Ильича. И в ссылке, и в эмиграции, и позднее, в советское время.

В 1912 году Ленин поселился в польском городе Кракове. На запрос властей он сообщил о себе: «Состою корреспондентом русской демократической газеты «Правда» и русской газеты, издаваемой в Париже под названием «Социал-Демократ».

«Правда» впервые вышла именно в том 1912 году — 5 мая... Ленин из Кракова руководил работой правдивистов. Утром он с нетерпением поглядывал на часы — скоро ли придёт почтальон с объёмистой сумкой, скоро ли можно будет прочесть новый номер «Правды» и узнать, что пишут в остальных газетах.

В другом польском городе Поронине Ленин сам поутру отправлялся на почту — иногда пешком, иногда на велосипеде. И тут же на почте присаживался за стол, или на улице, на брёвнах, посмотреть газеты. И прежде всего — «Правду». Порой Владимир Ильич получал так много коррес-

понденции, что одному и не дотащить. Тогда помогал кто-нибудь из знакомых.

...В начале марта 1917 года в Швейцарию пришла весть: в России революция! В России свергнут царь!

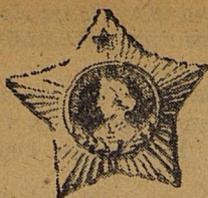
Как совершилась революция, как она развивается, могли рассказать лишь газеты. И Ленин накинудся на них, — читал, делал выписки, сопоставлял сообщения разных корреспондентов.

Хозяин квартиры сапожник Камерер, у которого Ленин жил в Цюрихе с 1916 по апрель 1917 года, рассказывает: «герр Ульянов получал так много писем и газет, что почтальон складывал их прямо в угол на полу...»

...Утром в свой рабочий кабинет в Кремле Ленин приходил обязательно с толстой пачкой газет. Он прочитывал их уже за завтраком.

Многим казалось, будто Ленин просматривает газеты. Но нет. Газеты пестрели пометками: где — восклицательный или вопросительный знак, где стрелка или подчёркнуто. Или на полях «гм-гм!» или «верно!».

Владимир Ильич был самым внимательным читателем газеты. И спасибо фотографу П. А. Оцуцу за то, что он запечатлел Ленина за таким обычным для него занятием.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ЛЕГЕНДА

В тот грозный год, чтоб сохранить
 верней,
 Зарыли в землю кладовских коней.
 И до сих пор я помню, как беду,
 Четыре ямы, вырытых в саду.
 Мы Всадника на бронзовом коне,
 Что на гранитной вздыбился волне,
 Засыпали землёю и песком,
 И вырос холм в пейзаже городском.
 Один лишь монумент, упрямя и строг,
 Стоять остался посреди тревог,
 Один лишь он остался над Невой
 С откинутою гордой головой.
 Стоял с мечом, поднятым высоко.
 Стоял, вперёд шагая широко.
 И как при жизни — на другой войне
 Не мог он быть от боя в стороне.
 Он, как при жизни, оставался цел,
 И ни один осколок не посмел
 Задеть его... Ни бомба, ни снаряд!
 Он — бог войны, Отечества солдат.
 Его мы не зарыли в грозный час,
 И смысл великий в этом был для нас.
 Суворов
 Встал на Невском берегу —
 Лицом к огню, своим мечом к врагу.
 Легенду, что я видел наяву,
 Мне в памяти хранить, пока живу.
 Но если б даже я о ней забыл,
 Народ бы всё равно её сложил!

Рис. Ю. Лаврухина

В экспедиционном отряде 246-й школы Лёня Стрелин и Миша Божко считались новичками.

Скинул Лёнька на привале непривычный рюкзак, повёл отяжелевшими плечами, оглянулся. Дальше идти нельзя. Дорога, по которой только что двигался отряд, исчезла в рыхлой песчаной косе. Если идти по этой косе дальше, путь преградят чёрные горбатые волны Ладожского озера. Здесь в суровую блокадную зиму 1941 года начиналась ледовая трасса. Это была единственная дорога, по которой окружённый врагами город общался с «Большой землёй». День и ночь под самым носом противника двигались по ладожскому льду вереницы машин: на ту сторону — с обессилевшими от голода женщинами и детьми, обратно — с боеприпасами и продуктами.

Люди назвали трассу «Дорогой жизни».

Теперь, спустя двадцать лет, Лёнька стоял со своими друзьями у её начала. Нужно было разыскать людей, работавших на этой дороге, встретиться с ними, записать их рассказы, сфотографировать исторические места.

У Миши через плечо — новенький фотоаппарат. Он то и дело останавливал Лёньку, торопливо снимал с плеча свою «Смену», и, как заправский фотокорреспондент, щёлкал затвором. Лёнька послушно залезал на скользкие гранитные валуны, вставал в позы и по-мальчишески весело кричал:

— Хорошо!

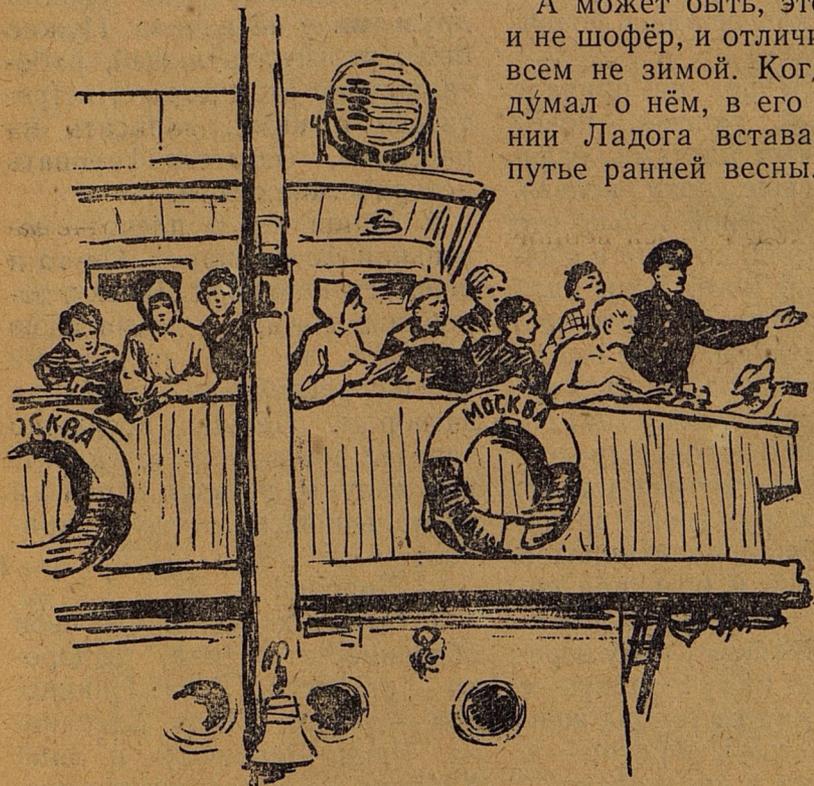
У бывалых туристов — свои обязанности: Нина Фёдорова — староста, Гена Никаноров — завхоз, Надя Степанова, Люда Черниенко и Зина Хлопова — историки-летопис-

цы. Лёнька и Миша числились в отряде без поручений. И никто—ни староста, ни историки-летописцы — даже и не подозревал, что у дружков были свои собственные планы.

Ребята о них молчали. Зачем говорить? Ведь они новички — ходи, присматривайся, учись. На счету летописцев уже немало интересных встреч, целые тетради записей, доклады на школьных вечерах. А у них? Надо удивить всех — найти интересного человека. Лёньке и Мише очень хотелось, чтобы он был обязательно героем, чтобы в отряде все с открытыми ртами слушали его рассказ, а потом перед всеми туристами руководитель похода Ирина Павловна Антонова объявила им благодарность.

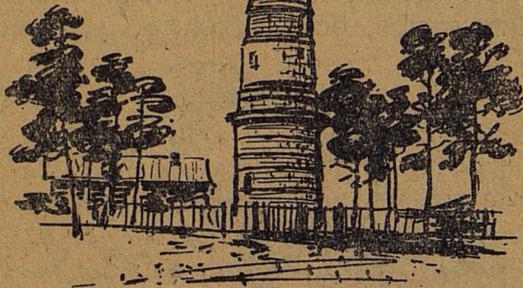
Кто будет этот человек, мальчики толком не знали. Мише казалось, что он обязательно будет шофёром, и не каким-нибудь, а таким, как Максим Твердохлеб, о котором ему когда-то довелось прочитать. «Представь себе, — говорил он Лёньке: — ночь, сквозь темень и пургу в город идёт гружённая мандаринами машина. Если она переберётся через озеро, под Новый год ленинградские дети получают в подарок мандарины. Но добраться непросто. Дорогу бомбят фашистские самолёты. Вот уже осколками разбит один ящик. Но шофёр не бросает баранку. Лавируя между воронками, он ведёт грузовик и, наперекор всем смертям, доставляет мандарины ребятам».

А может быть, этот человек и не шофёр, и отличился он совсем не зимой. Когда Лёнька думал о нём, в его воображении Ладога вставала в распустье ранней весны. Согретая

солнцем дорога раскалывалась на тысячи огромных чёрных льдин и, грохочась, уплывала вниз по Неве. В это время уже не шофёры, а бывалые капитаны, усатые боцманы выводили на трассу буксиры, баржи, и дорога по-прежнему продолжала жить. А разве мало среди них было героев?

Пока Лёнка и Миша мечтали о предстоящих встречах с героями, другие следопыты не дремали. Они уже записывали первый рассказ.

СМОТРИТЕЛЬ МАЯКА

Вся жизнь Ивана Антоновича Кузнецова прошла на Осинцевском маяке. Огромный, издали похожий на заводскую трубу, он уходил своей вершиной под облака, и поэтому всякий раз, когда Иван Антонович по вечерам зажигал на его вышке огонь, казалось, что в небе загоралась новая звезда. На её яркий, мигающий свет водили по озеру свои суда капитаны. «Кузнецовская звезда — путеводная звезда», — говорили они.

С вышки маяка Ладожское озеро — как на ладони. За долгие годы смотритель полюбил его, подружился с ним и научился разгадывать любые его причуды и зимой, и летом, и в

ледостав, и в ледоход.

Однажды во время войны на берегу озера собралась колонна автомашин с эвакуированными ленинградцами. Вечером шофёры разошлись по кабинам и, не зажигая фар, под прикрытием темноты готовились в путь на «Большую землю». Загудели моторы. Ещё минута — две, и одна за другой машины двинулись на лёд. И вдруг перед колонной, без пальто и шапки, словно из сугробов, вырос

смотритель:

— Стойте! Ехать нельзя! Три дня и три ночи ветры дули в одном направлении.

Не обращая внимания на старика, головная машина рывком взяла с места.

— Стойте! — ещё громче закричал смотритель. — Сегодня на льду должны появиться торосы, промоины покроют дорогу.

— Промоины и торосы среди зимы? — удивились водители, но моторы послушно выключили. Как не поверить старику?

А наутро в Осинце все знали, что ветры, о которых говорил смотритель, во многих местах поломали ледовую трассу. С того дня авторитет смотрителя вырос. Всякий раз, прежде чем отправиться в путь,

шофёры заходили к смотрителю, и он, как хороший синоптик, делал самые верные предсказания.

ТРИ ПРОТИВ ШЕСТИДЕСЯТИ

Утром экспедиционный отряд, погрузившись на небольшой озёрный буксир, отправился по курсу ледовой трассы. Команда на разговоры не скупилась. Узнав о целях поездки своих пассажиров, боцман вышел на палубу и стал знакомить ребят с жизнью и делами ладожских моряков. Лёнька в надежде разыскать героя - моряка неотступно ходил за ними, ловил каждое слово.

— Вон остров Зеленец! — указав в сторону одинокого островка, сказал боцман. — Чуть подальше — остров Сухо. Слыхали?

Услышав про Сухо, Лёнька даже встрепенулся. Он перед самым походом читал о нём. Сухо был весь из камней. Во время войны на остров высадили небольшой гарнизон моряков. Командир гарнизона старший лейтенант Гусев и его помощник старшина Мартынов знали, что от Сухо зависит судьба «Дороги жизни», судьба Ленинграда. Знали об этом и враги.

Однажды осенним утром 1942 года противник бросил на Сухо морской десант.

— Дяденька, — перебил Лёнька, — а Гусев это правду был или только про него в книжке...

— Был! — твёрдо сказал боцман. — Настоящий герой был. Только где он, что с ним, кто знает...

Лёнька достал из рюкзака роман «Балтийское небо», искал нужную страницу и протянул Мише:

— На, читай, здесь про все бои на Сухо рассказано:

«Гусев стоял, слегка расставив ноги, и смотрел в бинокль. Потом молча передал бинокль Мартынову... Теперь уже не нужно было бинокля,

чтобы видеть приближавшиеся суда...

— Тридцать, — проговорил Мартынов, не отрываясь от бинокля.

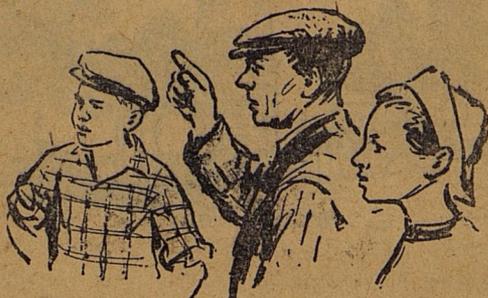
— Как раз сколько нас, — сказал Сашко, — их тридцать, и нас здесь на острове тридцать, на каждого по кораблю...

— Три орудия против шестидесяти, — сказал Мартынов...»

Миша молча закрыл книгу.

— Ну, что скажешь? — спросил Лёнька. — Я думал, это писатель сочинил. А тут и Гусев невыдуманный, и Мартынов! Настоящие герои! Вот бы их разыскать...

— Да-а-а! — восторженно протянул Миша.

Теперь оба друга знали: им непременно надо разыскать героев Сухо.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

На другом берегу озера, в деревне Кобона, куда прибыл буксир, ребята сразу же разбежались на поиски ветеранов «Дороги жизни». Фотокорреспонденты Федя Каменский и Боря Фомичёв отправились снимать сарай, в котором выдавали обеды эвакуированным ленинградцам. Оля Питерцева и Валерка Панибратов встретились с Козловым и Булдыгиным, разведчиками дороги. Это они, прежде чем проложить путь через озеро, отлили похожий на гирию к часам лот и промерили глубину озера почти на всём пути от Кобоны до Осиновца. Сейчас этот лот находится в Музее истории Ленинграда, а в тот вечер он лежал перед туристами и они один за другим трогали его как драгоценную реликвию боевых лет.

Группе Саши Калинина и Саши Пусовского посчастливилось встретиться с Николаем Алексеевичем Мальчиковым из Леднёва.

В округе о Мальчикове рассказывали легенды. Говорят, в самый разгар боёв в Леднёво приехал военный инженер с приказом построить на берегу пирс. «Посоветуйтесь с Мальчиковым, — сказали люди, — он старый рыбак, хорошо знает озеро, его берега, дно». Не отказался ладожский рыбак помочь. Вместе с инженером выбрал место, да и сам, за-

Н. А. Мальчиков

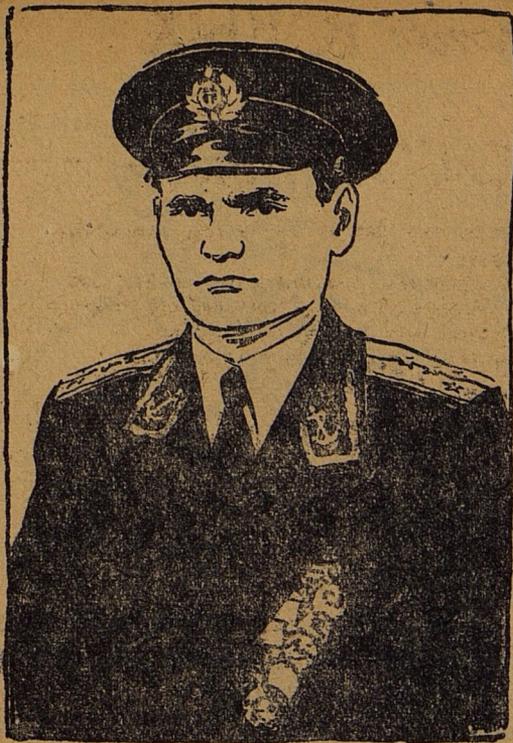
сучив рукава, принялся за дело. Утром к новому пирсу причалили катера.

А Лёньке с Мишей так и нечем было похвастаться. Правда, они уже освоились в походе, то и дело забегали в избы, останавливали прохожих, и всякий разговор кончался одним и тем же:

— Как же, как же... И про Гусева слышали и про Мартынова тоже! А вот где они, не знаем.

ПО НОВЫМ АДРЕСАМ

Много троп-дорог исходили в тот раз Лёнька с Мишей. Немало интересных людей повстречали. Кого только не видели они: и шофёра с ледовой трассы, и строителей нефтепровода, который был проложен по дну Ладожского озера. Полно у ребят впечатлений, а только никак не могут они успокоиться: не исполнилась их мечта, не отыскали героев Сухо. Живёт в народе о Гусеве

И. К. Гусев

слава, а где Гусев, никто не знает.

Вернулись дружки в Ленинград. Каждый турист о какой-нибудь встрече рассказывает, только Лёньке с Мишей рассказать не о чем. И решили ребята продлить поход.

Только на этот раз отправились они без рюкзаков, и не на берега Ладоги, а на угол Невского и Малой Садовой. Остановились у будки «Ленгорсправка», протянули в окошечко два листка, ждут, с ноги на ногу переминаются. Наконец окошко открылось:

— Мартынова трудно отыскать: слишком много их в городе, и все Ивановы Ивановичи.

А вот Гусева адрес — получите. И имя и отчество — всё совпадает.

Глянул Лёнька на адрес и оцепенел от удивления: и улица, на которой он сам живёт, и дом его! Неужели? Подпрыгнули дружки на месте и бегом к Лёнькиному дому.

«Дзинь-дзинь...»

Стоит в дверях человек. Лёнька хорошо знает его. Это дядя Ваня — столяр домохозяйства. Год назад он чинил в их квартире окно.

— Дядя Ваня, — говорит Лёнька, — а нам бы Гусева Ивана Константиновича — героя Сухо.

Улыбнулся хозяин.

— Отчего ж, — говорит, — пожалуйста, да-

вайте знакомиться.

Лёнька даже рот раскрыл, стоит, молчит; надо бы говорить, а он и слова сказать не может. Вот как бывает — ищешь героя по свету, а он рядом!

Теперь в 246-й школе возле карты «Дороги жизни» висит фотография Ивана Константиновича Гусева. Снят он в форменной морской фуражке. У него чуть сдвинуты брови, твёрдый и строгий взгляд. Но если взглядеться в фотографию — в уголках губ спрятана улыбка. И когда у стенда собираются ребята, кажется, он улыбается им и особенно своим друзьям Лёньке Стрелину и Мише Божко.

★ СТИХИ «ОГОНЬКА» ★

ПОЛТОРА ГОДА назад при детском секторе Дворца культуры имени Ленсовета возник пионерский клуб «Огонёк».

Юные коллекционеры, художники, красные следопыты — каких только кружков нет в клубе. Многие ребята Ждановского и Петроградского районов нашли здесь себе занятие по душе. И среди них те, кто пишет стихи.

Сегодня мы публикуем подборку стихов юных поэтов «Огонька».

Пионерия моя

Девятнадцатого мая,
Сорок лет тому назад,
В пионеры принимали
Краснопресненский отряд.
Шли ребята к ясной цели.
Дружно шли — к плечу плечо,
За работой дружно пели
И боролись с кулачьем.
Сколько храбрых воспитала
Пионерия моя!
Величавой песней стала
Слава гордая твоя.
И в годах шестидесятых
Пионеры впереди.
Галстук птицею крылатой
Гордо реет на груди.
Есть девиз у пионеров:
«Больше дела, меньше слов!»
— Пионер служить примером
Будь готов!
— Всегда готов!

Наташа МАСЛОВА,
4-а класс, 40-я школа

Здравствуй, май!

Весна зелёной краски
Для всех садов найдёт.
Шагает праздник майский!
Встречай его, народ!
Идём вперёд колоннами,
И площадь — как волна!
Крылатыми знамёнами
Вся улица полна!

Боря БИБАРСОВ,
5-й класс, 60-я школа

Утро

Тихо... Утро синевую
Красит спящий небосвод.
Тихо-тихо над Землёю,
Лебедь-облако плывёт.
Всё кругом покоем дышит...
Лишь нарушив тишину,
В поле первый трактор вышел,
Поднимая целину.

Петя МЫСОВСКИХ,
6-й класс, 47-я школа

Художник

Он не заметил нас, работал.
И был, как видно, увлечён,
И струйки медленные пота
Со лба стирал рукою он.
Он передал берёзок стройность,
Травы безбрежность показал,
Незыблемую сосен строгость
И озера литой металл.
Всё было правильно и верно,
Но мы не чувствовали ветра,
Такого утреннего, свежего.
Рукой бездушной было

сдержано

И шелестенье трав росистых,
И всплески волн, и шорох
листьев...

И он, увидев нас, смутился
И отвернулся, и спросил:
«Ну что?» — как будто

извинился,

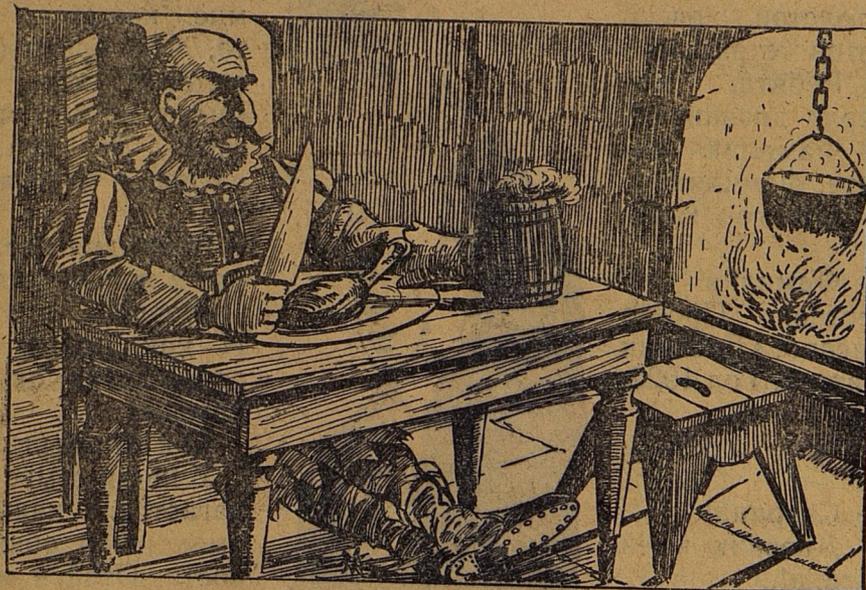
За то, что так бездарен был.

Лёша ШЕЛЬВАХ,
7-б класс, 170-я школа

Где Мальчик-с-пальчик?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Злой, кровожадный людоед
Ждёт мальчугана на обед.
Но он его напрасно ждёт.
Где Мальчик-с-пальчик? Кто найдёт?

Дневник Ленинградской семьи

В ТЕАТРЕ было тихо. Шло последнее действие нового спектакля. Но вот гром аплодисментов. Движение. Топот сотен ног. Актёры, взявшись за руки, кланялись, улыбались, цепочкой уходили со сцены и снова возвращались, и снова раскланивались. Затем на сцене появился педагог. Он высоко поднял руку с толстой, очень толстой тетрадью:

— Ребята, кто потерял дневник?

— Фамилию назовите, фамилию!

— Какого класса?

— Фамилия неизвестна. Просто написано: «Дневник о театре». Год 1922, февраль.

— Ого, ничего себе!

— Старина!

— Дневник моей бабушки!..

— Кто же всё-таки потерял дневник? Поднимите ру-

ку. Нет хозяина? В таком случае дневник остаётся на хранение в комнате делегатов.

И вот он лежит в этой комнате. Интересно, сколько лет сейчас тому, кто заполнил первую страницу этой тетради?

«Я не очень различаю, какие события можно назвать историческими, но мне кажется, что то, что произошло сегодня, хоть немного, но историческое. Во всяком случае, в моей жизни.

Я сегодня первый раз в жизни была в настоящем театре. И как раз в тот день, когда он открылся!

Как это было?

У нас в семье полагается: каждый имеет свои обязанности. Отец и мать работают на заводе. А я, как старшая сестра, должна

заботиться о маленьких. Их у нас трое. Петька и Федька — уже первоклассники, а Витюше всего четвёртый год.

Сегодня возвращаюсь я из школы с Петькой и Федькой, с бутылкой постного масла, с полкочном капусты, с хлебом, — выдавали по карточкам. Спешим домой. И вдруг на нашей Моховой толпа ребят. Что такое? Пробрались и мы вперёд. И там — чудеса! Кони-великаны — огромные, чёрные, копыта сверкают, глаза алмазные. Гривы золотые. Двигутся посреди улицы. Выступают важно, как в сказке. Хоть на самом деле они на сани поставлены, и их везут люди. Толпа вслед за ними. Мальчишки кричат, свистят, толкаются. И мы тоже. Не помню даже, как мы ввалились всей гурьбой в подъезд какого-то дома. Коней увезли, а мы — шашть вслед за ребятами в зал, большой, ряды за рядами, скамьи над скамьями.

Вдруг погас свет. Перед Иванушкой появился Конёк-горбунок, спрашивает:

*Что, Иванушка, невесел,
Что головушку повесил?*

А потом что было! Только тогда я в себя пришла, когда представление закончилось. Ребята к сцене побежали, хлопают, кричат. Я своих подхватила, про дом вспомнила. Ну, думаем, попадёт!

Отец с матерью только принялись нас ругать, мы им про театр рассказываем, про чудоконей, про Месяц-Месяцovich, про Рыбу-Кит, про злого царя.

Папа нас слушал-слушал — потом вдруг как засмеётся и говорит маме:

— Вот до какого счастья наши ребята дожили. Для них детский театр открылся.

Нет, это, наверно, всё-таки может называться историческим событием!»

Прочтены первые страницы, и уже не хочется расставаться с дневником.

Другие страницы. Другие названия спектаклей: «Бедность не порок», «Том Соьер», «Похититель огня», «Тимошкин рудник». Но вот уже новый почерк на страницах дневника. Размашистый. Мужская рука!

«Я пишу за себя и за Федю.

Как жалко, что наша Ньюра не могла быть вместе с нами в ТЮЗе. Она теперь далеко. Кончила школу, комсомолка, и уехала. А в ТЮЗе идут новые спектакли. Мы с Федей только что пришли с «Дон-Кихота». Ну и посмеялись!

Дон-Кихот — длинный-длинный, тощий-тощий, весь в доспехах. Он чудак-рыцарь. Начитался книг и пустился в приключения. Он для людей старается. Только у него всё смешно выходит. И над ним смеются. А всё-таки его под конец жалко. Почему, сам не знаю. У Дон-Кихота слуга, Санчей Пансой зовут. Этот совсем другой, но тоже потешный. Оба артиста нам очень понравились. Федька говорит: — Сразу видно, далеко пойдут».

Федя не ошибся насчет судьбы исполнителей главных ролей этого спектакля. Дон-Кихота играл Николай Константинович Черкасов, Санчо Пансо — Борис Петрович Чирков. Тогда они были молодыми, начинающими артистами. Теперь их знают все: оба — народные артисты Советского Союза.

В дневнике мелькают месяцы, годы... Меняется почерк, а вместе с ним другими становятся и мысли, суждения, интересы авторов дневника. Вот уже они старшеклассники. Но какая неожиданность — снова рука старшей сестры. 1934 год. Читаем...

«Никак не думала, что мне случится снова взять в руки свой школьный театральный дневник. Но мне хочется пове-

дать этому старому другу историю, которая имеет отношение к ТЮЗу. И к нашей семье тоже.

К ТЮЗу — потому что речь идет о «моховиках». А к нашей семье — потому что среди них оказался мой младший братишка Витя. Ему уже 16 лет. Еще несколько дней назад я понятия не имела, кто такие эти «моховики». А сейчас из-за них всей нашей семье пришлось столько пережить!

«Моховики» — это разболтанные мальчишки, которые позволили себе мешать работе ТЮЗа, насмехаться над ребятами, шедшими в свой театр, пугать их, отнимать билеты. И наш Витя с ними!! Эту ужасную вещь я узнала совершенно случайно. Что делать? Я решила пойти к самому Александру Александровичу Брянцеву. Это человек, по идее которого был построен детский театр. Сначала только у нас, а потом и по всей стране.

Это замечательный педагог и прекрасный режиссёр. Разве я забуду когда-нибудь свою первую встречу с ним?

Это было, кажется, на спектакле «Бедность не порок». Спектакль уже кончался, и некоторые взрослые зрители поднялись со своих мест и направились к выходу, чтобы поскорее получить свой пальто. И вдруг раздался резкий свист. Актёры на сцене остановились на полуслове. Свистел Брянцев. Затем раздался его разгневанный голос. Он приказывал зрителям, спешившим к своим калошам, не мешать ре-

братям досмотреть спектакль и бескультурным поведением не портить работу театра.

В зале стояла мёртвая тишина. Взрослые поплелись на свои места. Спектакль продолжался.

Вот к этому человеку, Александру Александровичу Брянцеву, я и решила пойти по Витькиному делу. Он принял меня в своём маленьком, простом-простом кабинете. Очень внимательно выслушал.

— «Моховики», — сказал он, — это и наша серьёзнейшая забота. Вы понимаете, как неприятно театру, что какая-то группа ребят враждует с нами и нашими зрителями.

— Может быть, обратиться в милицию, — робко предложила я.

— Мы — педагоги, — строго ответил он. — Не может быть, чтобы мы не нашли пути к ребятам. Есть у нас одна мысль. Приходите к нам завтра на спектакль «Продолжение следует». А по окончании его попросите проводить вас в кабинет к Леониду Фёдоровичу Макарьеву.

На следующий день мы всей семьёй смотрели спектакль «Продолжение следует».

Может быть, оттого, что время сейчас беспокойное, в Германии рвутся к власти фашисты и газе-

ты каждый день приносят тревожные вести, мы смотрели этот спектакль с каким-то особым волнением.

А когда он кончился, я поспешила за кулисы.

В кабинете артиста Макарьева, исполнявшего в спектакле главную роль борца-антифашиста профессора Веделя, толпились подростки. «Моховики». И как только удалось их собрать, уговорить прийти? Они рассматривали человека в гриме, в белом халате, словно всё ещё видя в нём того, кто перед ними только что действовал на сцене. Какие говорились слова, я уже не помню. Помню улыбки ребят-«моховиков». Лёд таял на глазах. И вот уже заключается договор дружбы: ребята берут на себя охрану Моховой улицы и зрителей, идущих в театр.

Среди недавних «моховиков» стоял и наш Витя. Он тоже подписал этот договор. И лицо у него в эту минуту было та-

кое, что я поверила: всё он понял, и читать ему мораль не следует. А вернувшись домой, мы торжественно поднесли ему семейный театральный дневник и сказали: «Продолжение следует. Твой черёд писать о ТЮЗе».

Мы не нашли в дневнике записей о спектаклях младшего из братьев Вити. Впрочем, одну запись он сделал. Она датирована так: февраль 1943 года.

«Война. Ленинград в блокаде. Я тут рядом, на фронте. С великим трудом вырвался домой. А здесь нет никого. Наши все далеко. Одни в тылу, другие — Федя, Петя, сестра и её муж — на фронте. Как-то они там? Под руки попался этот детский, из другой жизни, дневник. На нём и пишу, только не о ТЮЗе. Где-то он теперь, наш ТЮЗ? Вот вспомнил сейчас о нём, и тепло стало на сердце. Но спешу. Если ещё кто-нибудь из наших заглянет домой, пишите сюда!»

И вот они — эти записи. Совсем другая рука заполняет страницы старой тетради:

«Теперь я обладательница этого дневника. Мама очень им дорожит. И это понятно. В нём последняя запись сделана рукой её брата — дяди Вити. Он убит на Ленинградском фронте.

Мне хочется писать в этом дневнике только самые важные вещи. Не просто о спектаклях ТЮЗа, а мои мысли и переживания. И всё-таки о спектакле. Об «Аттестате зрелости». Он о нас — школьни-

ках, о наших взаимоотношениях.

Этот спектакль сыграл важную роль в моей жизни. То есть для других, может быть, и не важную, но для меня даже очень и очень важную. За два месяца до этого я поссорилась со своей лучшей подругой. Я без неё пошла на школьный вечер, а она на меня обиделась. Я ей тоже нагрубила. В общем, между нами произошёл очень резкий разговор. После этого мы стали сухо относиться друг к другу, мало разговаривать, пересели в школе подальше друг от друга и никуда не ходили вместе. Мы уже думали, что рассорились навсегда. Мы обе мучились, но эта противная, глупая гордость засела так глубоко, что о примирении ни одна из нас не помышляла.

Но вот мы пошли всем классом на «Аттестат зрелости». Как-то так оказалось, что наши места были рядом. Мне очень понравился спектакль. Он заставил всех нас задуматься о дружбе, о наших личных чувствах. Не знаю почему, но я почувствовала, что нельзя из-за такой глупой причины жертвовать настоящей дружбой. Мне ужасно захотелось обнять рядом сидящую подругу, но я не двинулась с места.

Когда спектакль окончился, я быстро оделась, вышла на улицу и стала ждать её у выхода.

Вскоре она вышла, я подошла к ней и сказала, что больше так не могу, что я хочу с ней помириться, чтобы дру-

жить по-прежнему и никогда не ссориться. А она сказала, что она тоже. И мы пошли из театра вместе и всю дорогу смеялись и болтали о пустяках, словно никогда и не ссорились».

Листаем дневник дальше. Опять новый почерк. Автор тоже новый, совсем неизвестный.

«Вчера был мой день дежурства в ТЮЗе.

Жаль, что я так и не собралась записать, как меня в школе выбрали в делегатское собрание театра. Но сейчас уже об этом писать не стоит, это было давно. Так вот, дежурю я вчера в фойе. Вдруг слышу разговор. Один мальчишка говорит другому:

— Я ей за программу старую монету дал, а она и не заметила!

А другой:

— Может, у тебя ещё старая есть? Дай мне.

— Пожалуйста!

Я сперва и внимания не обратила. Подумаешь, какие-то мальчишки! Но странное дело. Вот я не артистка, не директор театра, не педагог. Но всё равно у меня такое чувство, что я работник этого театра и что у меня, делегата, — огромная ответственность за каждый наш спектакль, за каждого зрителя. А эти мальчишки!.. Нет, мало того, что они продавщицу обманули, так ещё друг дружку поддерживают. Вот так друзья! И это вместо того, чтобы остановить!

Я решила дождаться конца спектакля, разыскать этих

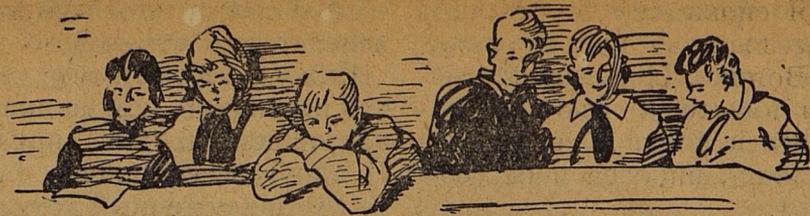
мальчишек и пригласить их в делегатскую комнату.

Сижу я в фойе и обдумываю, что им сказать, какие примеры настоящей дружбы привести. И вдруг вспомнилось. Был в ТЮЗе заслуженный артист Чагин. Фёдор Александрович Чагин, — которого все тюзяне называли дядя Федя, такой это был чудесный человек, — неожиданно стал терять память. Память для актёра — понимаете, что это значит? Человек может на сцене забыть слова роли, сорвать спектакль! Дядя Федя стал не столько забывать, сколько бояться, что вот-вот забудет слова, которые ему надо произнести. Спектакли стали для него мучением. Очень волновались за него и товарищи — актёры. И тогда другой актёр, Алексей Абрамович Нарский, во время игры Чагина стал незаметно дежурить за кулисами, чтобы в нужный момент подсказать ему выпавшие из памяти слова. Для этого он выучил все его роли, посещал все его спектакли. И Фёдор Александрович стал играть спокойнее, он знал, что поблизости друг, который не даст ему пропасть!

Пока я обо всём этом думала, спектакль пришёл к концу и обоих моих мальчишек и след простыл...

Но вот сегодня прихожу в ТЮЗ, а мне говорят:

— Не переживай. Твои мальчишки не такие уж скверные. Сегодня чуть свет они пришли с повинной в театр и вручили новые деньги с просьбой передать их продавщице

театральных программ вместо старых, которые они ей вчера заплатили.

Молодцы мальчишки! Жаль, что я с ними так и не познакомилась».

Очень жаль, что в дневнике не назван спектакль, во время которого произошли эти события. Если же строить догадки, то это может быть любой тюзовский спектакль: «Дело, которому ты служишь», «Именем революции», «Упрямые лучи».

Вот ещё одна запись. Тот же почерк.

«Сегодня в школе у нас получилось интересно.

На перемене экспромтом возникла игра, почти викторина. Каждому задавался вопрос: кто твой любимый актёр? Речь шла, конечно, о ТЮЗе. Отвечать надо было сразу. Называли имена Охитиной, Казариновой, Шифмана, Жуковой, Лебедева, Шевченко, Тейха и ещё многих других.

Одна наша ученица рассказывала очень интересно о Казариновой. Вот биография так биография! Чудо! Представить себе только: нищая девочка, служит нянькой у какой-то эппманши. Разыгрывает целые представления перед ребятами. Во что бы то ни стало хочет учиться на артистку. И доби-

вается своего. С путёвкой комсомола с далёкого Урала приезжает в Ленинград, в театральное училище.

Мы так увлеклись нашей викториной, что, когда в класс вошёл наш физик, мы и его спросили:

— Кто ваш любимый артист из ТЮЗа?

И он ответил:

— Многих из них я помню и люблю. Но один, совсем не знаменитый, запомнился как-то особенно. Он играл роль без слов. Это был посланный от Бурдые в спектакле «Плоды просвещения». Он сидел среди слуг в прихожей барского дома и ждал выхода важной барыни. На коленях его лежала большая коробка с туалетами заказчицы. Он ждал и ждал, с великим терпением бедного человека. А она всё не выходила. И я понял без слов, что он несчастлив, что он голоден, что он привык вот так часами ждать в барской передней. Артист не сделал ни одного жеста. А мне хотелось плакать. Прошло много лет. Но вот, видите, я помню его.

...Мы дошли до последних страниц дневника. Снова знакомая рука первого автора, который именуется в дневнике «старшая сестра»:

«...Я снова сегодня была в ТЮЗе. Не одна. Со своим внуком. Волновалась. Считала годы тюзовские и свои. ТЮЗу уже 40 лет! Но в эти дни он особенно молод. Он праздничный, счастливый. Он получил заслуженный подарок. Это — великолепное новое здание театра. Целый дворец! И всё-таки чем-то похож он на милый старый дом на Моховой! Похож своим полукруглым зрительным залом, своим амфитеатром, хотя во много раз его больше, наряднее. И сцена так же близка к зрителям, словно сливается со зрительным залом. Так и кажется, что всё самое лучшее ТЮЗ забрал и привёз сюда с Моховой.

Мы с Игорьком важно шествовали по огромному фойе. Кругом — множество ребят, радостных, но словно немножко притихших от торжественности момента. Они, конечно, ещё не привыкли к этому блестящему новому дому, но уже с гордостью считают его своим.

Вечером, когда мы пришли домой, я передала Игорьку наш семейный театральный дневник.

И Игорёк сделал в нём свою первую краткую запись:

«Я был сегодня в ТЮЗе. Бабушка говорит — он старый. А я думаю — совсем новый. Я смотрел спектакль, который называется «Сказки Пушкина». Мне понравилось».

✱

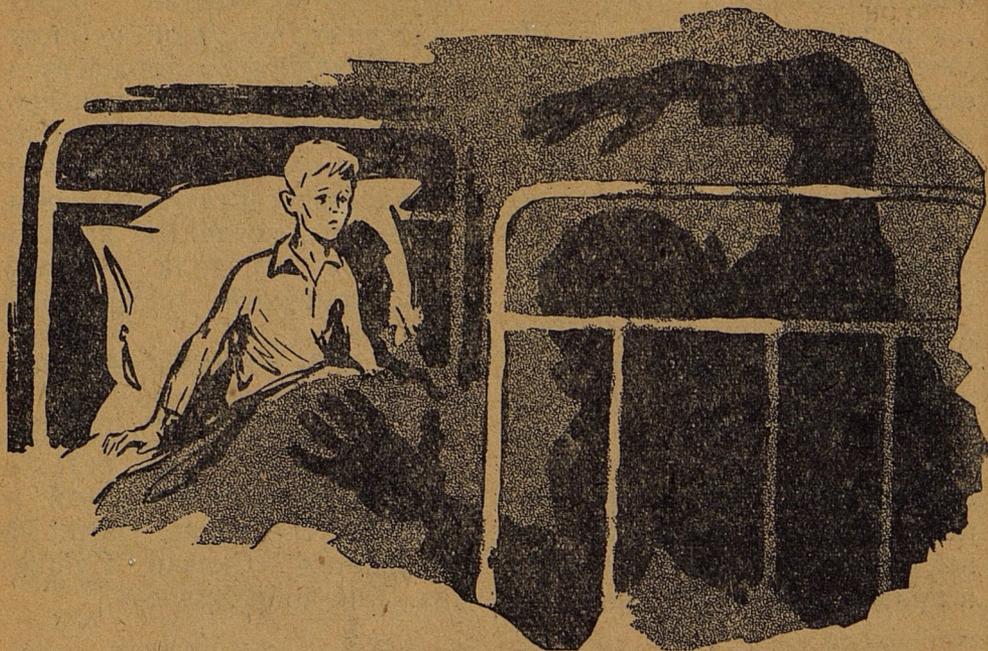
Владимир Алексеев

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНАТА

*Посвящается бессмертному
подвигу пионера Марата Казей.*

Был он совсем мальчишкой
в год, когда, стиснув зубы,
мы отступили за Неман,
ненавистью полны.
Время гудело в набаты.
время гремело в трубы,
грозно гремело в трубы,
в медные трубы войны.
Топчет родную землю
грязный сапог имперский.
Солнце за чёрной тучей.
Море огня кругом.
Мальчик ушёл из дому.
Галстук его пионерский
Жёг нестерпимо сердце,
звал на борьбу с врагом.
Где-то в лесах Станьковских,
в дальних болотах мшистых
Юный народный мститель
верных нашёл друзей.

В воздух взлетали склады.
Падали в снег фашисты.
Был пионерской клятве
верен Марат Казей.
В час, когда все патроны
кончились в автомате
и поднялись фашисты
с криком: «Сдавайся, рус!» —
он в их кругу не дрогнул:
«Слово последней гранате!»
Так и остался вечно
молод, безус и рус.
Был он совсем мальчишкой.
Жить да расти пареньку бы!
Но не хотел в сторонке
пятнадцатой ждать весны.
Время гудело в набаты,
время гремело в трубы,
грозно гремело в трубы,
в медные трубы войны.

ОЧЕНЬ ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ

П О В Е С Т Ь

ДЯДЯ ПЕТЯ

Я его ненавижу. Когда он приходит, я отворачиваюсь к стене и не разжимаю кулаки. А мама перед ним никнет, становится какой-то незаметной, серой, и у неё всё падает из рук.

Я ещё ни разу не видел его побритым. Он приходит к нам,

Продолжение. Начало смотри «Искорку» № 4 за 1962 г.

до самых глаз заросший колючей чёрной щетиной, гремит тяжёлыми сапогами по чисто вымытым половицам и говорит тоненьким бабьим голоском. Откуда у взрослого мужчины такой противный, визгливый голос?

Меня он называет Александром. Как будто мне двадцать лет.

— Ты, Александр, опять отворачиваешься, — тянет он, и глаза у него становятся маленькими, как щёлочки, они буравят мне спину. — Смири, смири гордыню-то свою. Все под богом ходим. Вот пожелает господь и сотворит чудо — отживут ноги твои. Ты молись ему, с открытой душой молись.

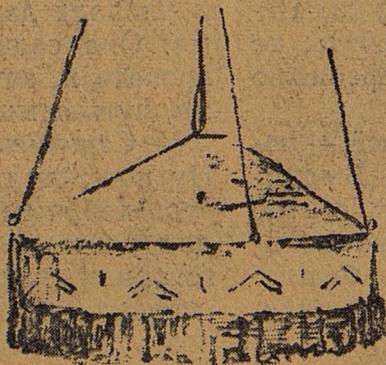
И зачем-то потирает большие, как лопаты, руки.

Мне он кажется больным какой-то непонятной болезнью. И ею он заразил мою маму. Ну какой же человек со здоровыми мозгами станет сейчас говорить о боге? Смех, да и только. А он говорит уже много лет подряд, и в ус не дует.

С каким наслаждением запустил бы я банкой с компотом или чем-нибудь потяжелее в его противную рожу с отвисшей мокрой губой. Ведь это он верховодит в секте пятидесятников, в которую ходит молиться мама. Это он виноват, что мой отец уехал на остров Сахалин. Из-за него мама не звала

ко мне врачей, когда я заболел, забрала меня из санатория, не приносит мне книги, хотя мне так скучно целыми днями лежать одному. Но ведь он тогда убьёт меня, я это знаю. И всё-таки когда-нибудь я непременно это сделаю: запущу в него чем-нибудь изо всех сил.

Дядя Петя сидит с мамой за столом под розовым абажуром с тяжёлыми кистями и, посапывая, отхлёбывает с блюдечка чай. Блюдечко он держит на растопыренных пальцах с обломанными грязными ногтями и говорит всегда об одном и том

же: что люди отступились от бога, а потому вот и ниспослал он на них всякие страшные болезни вроде рака и полиомиелита, и что вообще скоро придёт конец света. И каждому надо теперь подумать о спасении своей души. Мама слушает его, уставившись в нетронутый стакан, и у неё поджимаются губы, и яснее, чем всегда, проступают морщины у глаз. Под тоненький дядин Петин голосок хочется спать, но я приподнимаюсь и перебиваю его.

— Чепуха это всё, — насмешливо говорю я. — Выдумки. Вот ведь делают сейчас прививки против полиомиелита, и почти никто им не болеет. Вакцину такую учёные нашли. Учёные, а не бог.

Дядя Петя ставит на стол блюдечко и вытирает тыльной стороной ладони рот.

— А почему же эти учёные тебя не вылечили? Что, молчишь? Сопляк ты ещё, вот что, и не разумеешь ничего. Драть бы тебя надо, да вот мать не позволяет.

— Драть, — зло говорю я. — Сами небось твердите: «Люби ближнего своего»... А меня драть...

Он растерянно бычится на меня из-под сведённых на переносице косматых бровей, потом тяжело поворачивается к матери:

— В страхе сына. Анюта, расти, балованный он у тебя, — комаром звенит тоненький голосок. — Не зря его господь наказал.

И мама с готовностью со-

гласно кивает и испуганно просит меня замолчать. Мне становится противно. Сжав зубы, я отворачиваюсь к стене. Разве его в чём-нибудь переубедишь!

Посидев час-полтора, дядя Петя уходил. Мама выходила его провожать, а я торопливо открывал окно. Вместе с тополиными ветвями в комнату врывался свежий ветер, и мне становилось легче дышать.

Хлопала дверь, входила мама. Она садилась ко мне на кровать и, закрыв лицо руками, чуть слышно причитала:

— Сашенька, ластонька моя! Ну потерпи ты его, сынок, он ведь добра тебе желает. Сегодня опять в молельном доме говорили, какая-то пророчица исцелила от паралича мальчонку, изгнала из него сатану. — И с тоскливой надеждой добавляла: — Господи, а может и правда?! Да я не только богу, чёрту душу продала бы, чтобы тебя на ногах увидеть. — И, спохватившись, бормотала: — Тьфу, тьфу, грешная, что говорю-то...

И торопливо гладила меня по голове, по щеке мягкой горячей рукой и принималась бормотать молитвы.

Я прижимался к этой руке и засыпал. Эх, мама, мама! Нет, уж если профессор Сокольский мне не поможет, то ни на бога, ни на чёрта, ни на дядю Петю, со всеми его святыми, мне надеяться нечего.

НАШИ СОСЕДИ

Тётя Таня зовёт дядю Егора «Усатый».

— Усатый, — кричит она из

кухни, — накрывай на стол, обедать будем!

И дядя Егор послушно начинает бренчать ложками и ножами.

Он и впрямь усатый, и усы у него большие и пушистые, как у кота. Они свисают к самому подбородку, и, когда дядя Егор задумывается, он тихонько покусывает их порыжевшие от табака кончики крупными жёлтыми зубами.

Сам дядя Егор называет себя «потомственным пролетарием». Он работает мастером-инструментальщиком на мотовелозаводе. И отец его там когда-то работал. Правда, тогда ещё завода не было, а были маленькие ремонтные мастерские. И дяди Егора сын Лёнька тоже там работает, и тётя Таня. Обо всём этом «Усатый» рассказал мне в первый же вечер, когда я приехал домой. Он сидел на стуле рядом с моей кроватью, а говорил так громко, будто был за полкилометра. Иногда в комнату заглядывала тётя Таня и грозно тянула: «Его-о-р!» И тогда он весело улыбался и шёпотом объяснял:

— Привычка, брат. В цеху шумно, вот и гремлю я, как иерихонская труба. А Татьяна Семёновна, — и он смешливо косился на дверь, — они этого не любят.

Но шептать дяде Егору ментально надоедало, и он снова начинал грохотать. Мне это нравилось, — вокруг меня почему-то больше говорили тихонько. А что такое «иерихонская труба», я не знал, но ре-

шил, что это какая-то особенно зычная труба.

Рассказывал дядя Егор о заводе, о том, какие марки мотоциклов и велосипедов там делают, а потом — о войне, о партизанском отряде, в котором он сражался, о танковой бригаде, с которой освобождал Прагу. Я очень устал с дороги, но всё-таки слушать его было так интересно, что совсем не хотелось спать. Назавтра он притащил мне целый ящик всяких инструментов: пилочки, лобзик, отвёртки, стамески, угольники и несколько кусков фанеры.

— Вот, занимайся, — сказал он, покусывая прокуренные

усы. — Времени у тебя много, а книгами мать тебя, вижу, не очень балует. Да и вредно весь день читать-то. Надо, брат, чтобы у человека не только голова, — и он покрутил своей большой лысой головой с хитрыми блестящими глазами, — но и руки работали. Во, смотри, какие у меня руки.

И он протянул мне большие тяжёлые руки с вьёвшейся в них металлической пылью.

— Да ты пощупай, пощупай! — гремел он надо мной.

Обе мои руки свободно поместились в одной его ладони.

Она была твёрдой и бугристой, а короткие цепкие пальцы все были иссечены морщинками. И мне почему-то стало стыдно, что мои руки — мягкие и пухлые, как у девочки. Я торопливо отёрнул их. К счастью, дядя Егор этого не заметил.

— Я этими руками что хочешь сделаю, — улыбаясь в усы, весело говорил он. — Не веришь? Честное слово. Любой инструмент сделаю! Опять же по плотницкому делу или столярному. Тоже могу. Машину отремонтировать или, скажем, часы? И это делали. Вот только электричества боюсь, — рассмеялся он. — Когда-то пальцы в патрон сунул. А он под напряжением был. Ну, меня как тряхануло, с тех пор и боюсь его, электричества. Пробка перегорит, и ту жду, пока Лёнька поставит. Вот так-то, брат. Руки у человека, скажу я тебе, это штука важная, после головы первое место занимают.

В это время из кухни опять доносится грозный голос тёти Тани:

— Мели, Емеля, твоя неделя! Оставил бы ты ребёнка в покое. Совсем задуришь ему голову своими рассказами.

Дядя Егор замолкает и делает страшные глаза. Потом вдруг отчаянно подмигивает мне, и мы оба беззвучно хохочем.

— Ты не бойся, Сашка, — шепчет он мне таким страшным шёпотом, что слышно, наверно, во всём нашем четырёхэтажном доме, — тётя Таня, она, брат, не злая. Она больше так ворчит, для порядка. Гене-

рал. Любит, чтобы во всём полная дисциплина была.

Наша дверь распахивается, и в комнату входит тётя Таня. В руках у неё целая тарелка румяных пирожков. Она свирепо смотрит на хохочущего дядю Егора, а потом и сама начинает смеяться.

— Вот я тебе сейчас дам — «генерал», — передразнивает она дядю Егора и протягивает мне тарелку: — На, ешь, Сашок, свеженькие.

Я уже и сам знаю, что, не смотря на свой грозный вид, тётя Таня очень добрая и ласковая. Когда мама, дядя Егор и Лёнька уходят на работу, она ещё остаётся дома и до десяти возится на кухне с обедом, или стирает, или бегаёт по магазинам. Ко мне она заходит по нескольку раз за утро: разогреет завтрак, поправит подушку или просто так станет, облокотившись на спинку кровати, и смотрит на меня. Глаза у неё большие и как будто выгоревшие, — никак не пойму, какого они цвета. Иногда она просит меня поиграть, и сама достаёт из футляра гармошку и обтирает её передником. И я тихонько играю, а она этим же передником вытирает глаза.

Я знаю, что старшего сына тётя Тани, Андрея, убили хулиганы всего два года тому назад. Он был дружишкой и раскрыл целую банду. А они его потом убили. Об этом мне рассказала мама. Андрей хорошо играл на баяне, он и сейчас, говорила мама, стоит у тётя Тани на столике, и я знаю, почему она просит меня иг-

рать, и играю, хотя порой мне становится очень больно. Я никогда не видел Андрея, но хорошо представляю его себе. Я горжусь им. Потому что это был настоящий человек.

Тётя Таня насухо вытирает краешком передника глаза и выпрямляется. Я обрываю свою музыку.

А через полчаса она уходит на работу, высокая, полная и седая, совсем седая, хотя я знаю, что ей всего около сорока пяти лет. Мама говорила, что поседела она за несколько дней, после смерти Андрея.

Лёнька — младший сын дяди Егора и тётя Тани. Он в прошлом году окончил школу

и работает вместе с дядей Егором, только на карусельном станке. После смерти Андрея он пошёл и записался в ту же самую дружину, где был его брат. Лёнька ещё учился в школе, но его приняли как брата Андрея.

Когда тётя Таня узнала об этом, она пошла в дружину и потребовала, чтобы Лёньку немедленно вычеркнули. А дома она сказала, что скорее умрёт, чем позволит Лёньке стать дружинником. Она плакала до тех пор, пока не добилась от Лёньки честного слова, что он туда не пойдёт.

Но Лёнька всё равно стал дружинником. Я знаю это, потому что иногда, когда мамы нет дома, он заходит с дядей Егором к нам в комнату, будто ко мне, и шёпотом рассказывает отцу о том, как они задерживают всяких хулиганов и пьяниц. Я поклялся Лёньке, что никогда не проболтаюсь об этом тёте Тане, но, по-моему, она и сама обо всём догадывается. И — молчит.

Когда они тихонько беседуют у моей кровати о своих делах, мне кажется, что вместо дяди Егора рядом с Лёнькой сидит какой-то другой человек — усталый, с широкими поникшими плечами и обвислыми усами. Он смотрит на Лёньку и тяжело шевелит челюстями, словно жуёт что-то вязкое, а проглотить не может. Но вот Лёнька замолкает, и он разгибается, кладёт руку ему на плечо и твёрдо говорит:

— Ничего, сынок, скоро мы

всю эту погань из нашего города выметем.

И тогда я вижу, что это всё тот же дядя Егор, «Усатый», как называет его тётя Таня, «потомственный пролетарий», как называет себя он сам.

Я уважаю Лёньку. Я уверен, что даже весь комсомол не стал бы его осуждать за то, что он нарушил своё честное комсомольское слово, которое дал тёте Тане.

БУДУ УЧИТЬСЯ!

Приближалось первое сентября. В санатории в этот день начинались занятия. Учителя приходили к нам в палату, к кроватям на специальных шарнирах прилаживались большие наклонные доски. На них можно было читать и писать. Чернильница ставилась рядышком, на стуле.

А в этом году я не буду учиться. И вообще, наверно, не буду.

Первого сентября в школу побежит рыжий футболист со всей своей командой. И побегут все ребята и девочки по всей стране. А я останусь дома. И в «Пионерской зорьке» будут рассказывать про уроки, а я не услышу эту передачу. Потому что сектантам нельзя слушать радио, и у нас его нет. И это будет самый тоскливый день в моей жизни.

Я считаю в календаре листки. Нахожу сентябрь. Первое число. Вырываю листок и рву его мелко-мелко. И выбрасываю за окно. Ветер подхватывает бумажки, но несколько клочков запутывается в листь-

ях тополя. Ну и пусть. Пройдёт дождь и смоев их. И первого сентября не будет. Сразу — второе.

Настроение у меня совсем кислое. Я плохо ем, — ничего не лезет в горло. Даже пирожки тёти Тани, которые всегда сами тают во рту. А тут ещё профессор Сокольский не приезжает. Сейчас он находится в командировке, спасает ребят за границей. Пусть спасает, я могу обождать. Я так и скажу профессору Сокольскому, когда он приедет, что совсем-совсем не обижаюсь на него.

Мама просто извелась. По утрам она встаёт с головной болью, а под глазами у неё синие круги. И дядя Петя зачастил. Когда они не уходят на моление, они допоздна сидят за толстой книгой с пожелтевшими листьями. И монотонно читают её по очереди. Книга называется «Библия».

Дядя Егор и тётя Таня не любят дядю Петю, как и я. Когда он появляется, на кухне сразу же замолкают разговоры, и тётя Таня уходит в свою комнату. А на завтра она горячим шёпотом убеждает маму:

— И чего только он привязался к тебе, Анята? Гони ты его прочь, пока не поздно. Скользкий он человек, нехороший. Никогда в глаза прямо не смотрит, всё в сторону. Да и о боге чепуху какую-то несёт. Ведь в беду он тебя втянул, Анята, неужто не видишь?! Я их, верующих этих, знаю: раз такой мужик о боге вспом-

нил, значит не один грех у него на душе.

— Да что вы, Татьяна Семёновна, — слабо оправдывается мама. — И ничего тут особенного нету. Ну, приходит человек, — так ведь не выставишь его на улицу. Посидит, чайку попьёт и уходит. А что верующий он, так это вы не троньте. У всякого своя вера, у вас — своя, а у нас — своя. А какая из них истинная, один только господь знает.

Тётя Таня с размаху швыряет на плиту сковородку и уже не шепчет, а басит:

— Ну что ж, Анята, верь, дело твоё, верить у нас никому не запрещается. Только помнишь моё слово: худой он человек. Извини, краем уха слышала я, какие вы речи ведёте. Страшные вы люди, Анята, пятидесятники, случилось мне с вашим братом сталкиваться, знаю. А ты ведь молодая, вся жизнь у тебя впереди. Сына хоть пожалей, если себя не жалко. Худо ведь мальчонке глупые разговоры ваши слушать. Отравите вы его.

Мама не отвечает ей. Она входит в комнату, и глаза у неё сухие, а губы туго поджаты. Я приподнимаюсь на локте и говорю ей:

— А ведь правду тётя Таня говорит. Прогони его, мамка, милая! Прогони!

— Цыц, ты! — резко кричит мать, и голос у неё незнакомый и грубый. — Не лезь, куда не просят, щенок.

Она валится на кровать, зарывается лицом в подушку, и

плечи её начинают мелко-мелко трястись.

Я поворачиваюсь к стене.

Так приближается первое сентября.

Мама об этом дне не говорит.

Молчу и я.

Вечером 29 августа к нам зашли дядя Егор и Лёнька. Лёнька только что вернулся с работы и даже не успел переодеться. Он был в синем комбинезоне и клетчатой рубашке, а на лбу у него чернел след от машинного масла.

Лёнька потрянул короткими выгоревшими волосами и спросил:

— У тебя как в этом году со школой будет, Сашка?

— А никак, — равнодушно ответил я. — Какая уж тут может быть школа.

И кивнул на свои ноги, прикрытые простынёй.

— Ну, это ты брось, — возмутился Лёнька. — Что значит — никак? Тебе в какой класс надо? В седьмой?

— В седьмой, — неохотно ответил я.

— Вот и будем заниматься дома. Доску к кровати тебе батя приделает, мы с ним уже говорили. А программу за семь классов я как-нибудь осилю. Что, не веришь? — И широко улыбнулся.

— Верю, — хмуро ответил я. — Только всё это, Лёня, ни к чему.

— То есть, как это — ни к чему? — вступил в разговор дядя Егор. — Лёнька дело говорит, ты его слушай. Помнишь, я о руках как говорил?

А всё-таки голову на первое место поставил. Вот он и возьмётся за твою голову. А я — за руки. И сделаем мы из тебя мирового человека. — И дядя Егор прикусил свой ус.

— А через пару недель приедет профессор Сокольский и меня, возможно, в клинику положат, — неохотно ответил я. — И вся учёба полетит. Так что уж лучше и не начинать.

— Чепуха, — улыбнулся Лёнька. — Начнём.

— Нет, не начнёте, — резко поднимается с дивана мама. — Нечего мальчишке голову забивать. И без вашей школы проживёт. Ему о спасении души думать надо, а не о школе.

— Вот как?!

Дядя Егор разгибается и в упор смотрит на маму.

— Ну, соседushка, ты эти штучки брось, — грозно говорит он, раздувая усы. — Брось, понятно? Сама ты можешь хоть в бога верить, хоть в чёрта, а мальчика мы в обиду не дадим. Ему учиться надо. Разумеешь?

— Кто это «мы»? — вспыхивает мама. — Что это ещё за хозяева над ним?

— Мы — Советская власть, — чеканя каждое слово, говорит дядя Егор. — Нет такого закона, чтобы детей в секты вовлекать, жизнь им мутить. И не будет. И если тебе так голову заморочили, что ты, кроме как о боге, ни о чём думать не хочешь, то мы о Сашке подумаем. А попробуешь ему учиться запретить, мы тебя с «братьями» и «сёстрами» твоими святыми быстро к порядку призо-

вём. По всем советским законам.

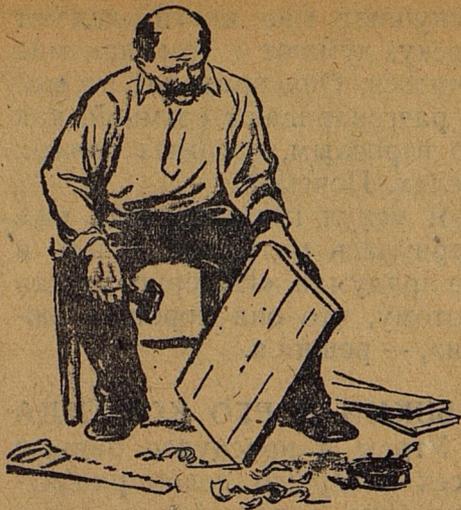
И он выходит, покусывая прокуренный ус. За ним, осторожно прикрыв дверь, выходит Лёнька. Мама растерянно глядит им вслед.

Я улыбаюсь, мне это нравится.

Назавтра Лёнька притащил мне все учебники для седьмого класса, целую гору тетрадей и ручек. Дядя Егор на кухне оборудовал мастерскую — ладил доску, на которой я мог бы писать. Мама с ними не разговаривала. Она завернула в платок Библию и ушла. Наверно, снова на моление.

Я взял учебники и начал их рассматривать. Они были совсем новенькие и ещё вкусно пахли краской. И мне так захотелось пойти с ними в школу, что просто я вам рассказать не могу. Но всё равно я был рад. Пусть дома, а завтра и я начну учиться.

Постукивая молотком и покусывая усы, дядя Егор прилаживал к моей кровати доску. Большие и такие на первый взгляд неуклюжие руки его с тупыми обломанными ногтями были необычайно подвижными. Не глядя, он находил ими маленькие гайки, отвёртку, клещи, наждачную бумагу. Он приделал рычаг, и доска стала подвижной, я мог легко придавать ей любой наклон. В ней была сделана жестяная держалка для чернильницы и для ручки, она легко снималась и устанавливалась. Когда я сказал, что у нас в санатории доски были гораз-

до хуже, дядя Егор довольно улыбнулся в прокуренные усы и горделиво расправил их тыльной стороной ладони.

— Ну, вот, Сашок, — сказал он, собирая инструменты, — дело сделано. Берись, брат, за науку. Очень, понимаешь, хочется нам, чтобы получился из тебя какой-нибудь профессор или там другой учёный человек. Скажем, доктор, например. Чтобы победил ты эту проклятую хворь, которая тебя к постели привязала, и всякую другую тоже. Особенно ту, которой твоя мать хворает...

Дядя Егор ласково потрепал меня по плечу и ушёл. А я долго не мог заснуть. Я ворочался на постели и смотрел то на доску, приставленную к спинке кровати, то на стопку книг и тетрадей, темневших на стуле, и думал о том, почему они так возятся со мной. Ведь все они — и тётя Таня, и дядя Егор, и Лёнька — совсем чужие мне люди. Я-то и знаю их всего несколько недель. А они

покупают мне книги, делают доску, думают о том, как мне учиться. Они приходят ко мне и разговаривают со мной, как со взрослым, о самых разных делах. Почему?

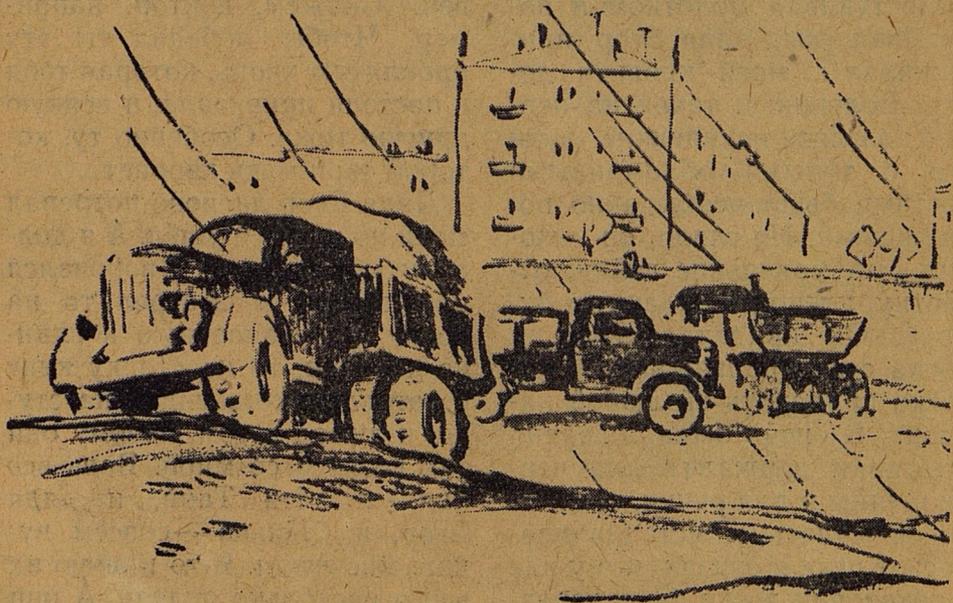
Я уснул поздно, когда уже вернулась мать, так ничего и не придумав. «Наверно, просто потому, что они хорошие люди», — решил я.

РЫЖИЙ И ЕГО КОМАНДА

Утром я проснулся раньше всех и первым делом распахнул окно. Тополь тут же залез ко мне, чтобы поздороваться. Ночью прошёл дождь, и на тополиных листьях блестели капельки воды. Они градом сыпанули мне на лицо, на простыню, и я засмеялся и тихонько погладил их. Небо, наверно, выгорело за лето, оно было блёклым и далёким-далёким. Солнце в упор било по стёклам, вымытым дождём, дробилось и плавилось в них.

На пустыре возле нашего дома деловито урчал экскаватор. Он с лязгом швырял в подходы самосвалы землю, и они приседали под её тяжестью. Я подумал, что футбольное поле пропало, скоро на его месте вырастет новый дом, и мне стало обидно за рыжего нападающего. Ну, где ещё он сможет заколотить в чужие ворота два десятка голов, не выбив ни одного стекла, как не на нашем пустыре?

А вскоре я увидел его и всю его команду. Они шли в школу. Вначале я просто не узнал их. Да и мудрено было узнать в этих чистеньких ребятах в новых костюмах с новыми портфелями и яркими галстуками моих растрёпанных футболистов в продранных башмаках и выгоревших ковбойках. Шли они так чинно, так неторопливо, как будто весь мир сейчас смотрел на них из окон своих квартир. И если бы

не огненно-рыжий хохол капитана, который, видно, даже сегодня не смогла взять никакая расчёска, я бы просто не узнал в них тех самых ребят, которым так мучительно завидовал всё это время.

Но вот они заметили экскаватор и... Нет, это всё-таки были они, футболисты с нашего пустыря! Куда только девалась вся их солидность! Они так припустили к машине, что только пыль закрутилась. А уже через две минуты экскаваторщик, высунувшись из кабины, отчаянно ругал рыжего, который лез под самую стрелу. Но рыжий не унимался.

— Дяденька, — слышал я его жалобный голос. — Ну пустите в кабину. Хоть на минуточку.

— В школу опоздаешь, — орал экскаваторщик. — Ещё чего выдумал — в кабину его пусти. А на Луну не хочешь?

— Хочу, — под оглушительный хохот столпившихся шо-

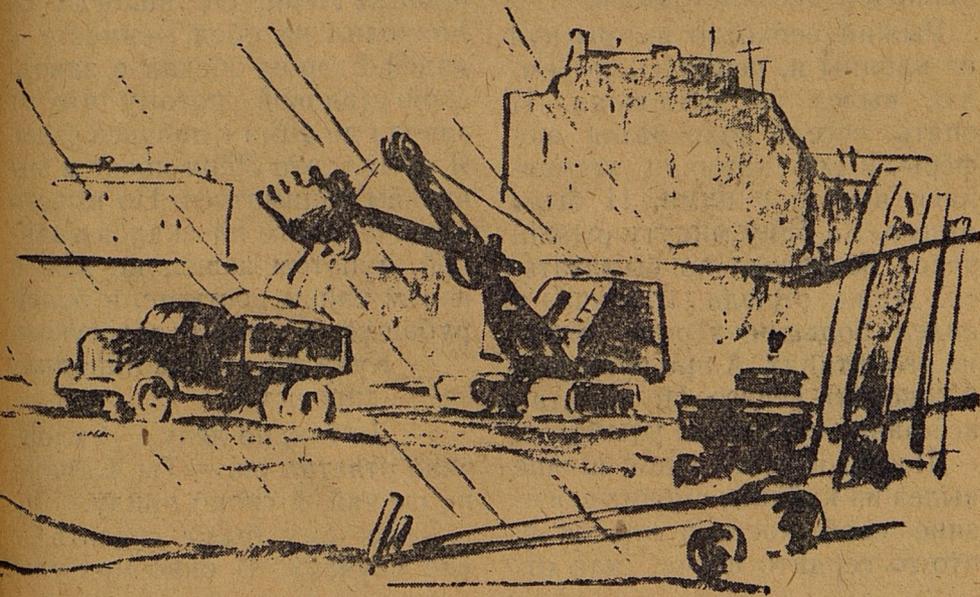
фёров кричал капитан. — Только ещё ракета не готова. Сначала на экскаватор пустите!

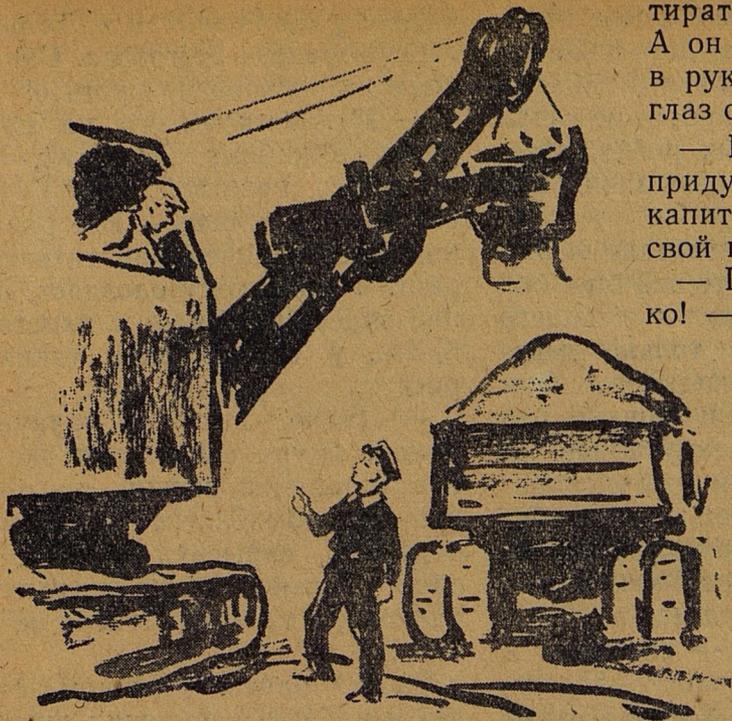
— Да пусти ты его на секунду в кабину, Дмитрий, — вмешался пожилой шофёр в соломенной шляпе. — Всё равно ведь, паршивец, работать не даст. И в школу опоздает, и нас задержит. Знаю я ихнего брата, у самого двое таких растут.

— Ладно, лезь, — махнув рукой, хмуро согласился экскаваторщик, и рыжий, швырнув ошеломлённым ребятам портфель, спрыгнул в котлован. — Только больше никто не подходи, а то милиционера позову.

Рыжий одним прыжком залез в кабину и положил руки на рычаги. Круглое лицо его сияло от радости, ребята, столпившиеся у котлована, с завистью смотрели на него.

Экскаваторщик чуть оттеснил капитана и потянул на себя рычаги. Ковш опустился и

с лязгом вгрызся в землю. Шофёр в соломенной шляпе подал самосвал, и земля, перемешанная с битым кирпичом, с грохотом обрушилась в него.

— А теперь — вылезь! — приказал экскаваторщик.

Рыжий неохотно выпрыгнул из кабины и, цепляясь за землю, вылез из котлована. И опять весело захохотали шофёры, и вся команда засмеялась вместе с ними. И было отчего. За одну минуту рыжий успел основательно вымазаться. Даже отсюда, из окна, я видел большое чёрное пятно на его штанах. А про руки уже и говорить нечего. Но капитан всё равно счастливо улыбался.

Шофёр в соломенной шляпе вылез из кабины, смочил в бензине свой носовой платок и, что-то сердито ворча, стал от-

тирать рыжему пятно. А он вертелся у него в руках и не сводил глаз с экскаватора.

— После уроков приду, — пообещал капитан, подхватив свой портфель.

— Попробуй только! — и экскаваторщик показал ему вымазанный маслом кулак величиной с добрый кочан капусты. — В школу лучше беги, опоздаешь.

Ребята помчались в школу. Вскоре они исчезли за по-

воротом. А я подумал о том, как, наверно, интересно дружить с этим самым неугомонным рыжим парнем. Вот бы у меня был такой друг!

Часов в двенадцать с работы пришёл Лёня. Он никогда не приходил на обед, — вместе с дядей Егором обедал в заводской столовой, потому что от завода до дома с полчаса езды. Я думал, что Лёня поест и мы начнём заниматься. Но вместо этого он долго плескался в ванной, а потом зашёл ко мне в новом синем костюме, в белой рубашке с ярким галстуком.

— Куда это ты так нарядился? — спросил я.

— Да так, по делу, — уклончиво ответил он. — Ты, Сашок, не скучай, я скоро приду.

Легко ему было сказать — «не скучай». В окно мне уже

смотреть надоело. Больше никто не просился к экскаваторщику в кабину, разве что редкие прохожие останавливались на минутку, чтобы посмотреть на его работу. А он работал, заставляя машины приседать под тяжестью земли, и они уходили одна за другой, натужно ревя моторами.

«Вот сейчас в школе прозвенел звонок, — подумал я, — и в 7-й класс вошла учительница географии. Все ребята встали, а она положила на стол журнал и сказала: «Сегодня, дети, мы с вами начнём изучать географию нашей великой Родины», — и повесила на стену карту».

Я взял сверху учебник географии и раскрыл его. Затем раскрыл атлас. Положил их на доску, которую сделал дядя Егор. И начал читать.

Читал я долго, с час, если не больше. Прочёл, наверное, уроков на пять вперёд. И вдруг в коридоре услышал какой-то топот. Я поднял голову. В нашу комнату входил Лёнька. За его спиной в дверях теснились... рыжий и его команда.

Я растерянно приподнялся на кровати. Рыжий уже вышел из-за Лёнькиной спины. Он подошёл ко мне, протянул мне руку, перемазанную маслом и чернилами, и сказал:

— Здравствуй. Меня зовут Венька. Я председатель совета отряда 7-а класса. А это, — и он кивнул на вошедших в комнату пионеров, — наши ребята.

— Здравствуй, — ответил я и сжал его руку. — Здравствуйте, — сказал я ребятам и облизнул пересохшие губы. — Меня зовут Сашей.

(Продолжение следует)

«Горные орлята» — смелые ребята

СТАРЫЙ чабан Мамет Алибаев заболел. Ему почти сто лет.

— Худо мне, — сказал он внуку Айдару. — В животе точно костёр горит, и горы прыгают перед глазами.

Айдар ещё совсем маленький. Ему только десять лет. Но он уже сам может забраться на коня, если подведёт его к камню.

— Лоб твой горячий, как солнце. Надо к врачу, — сказал Айдар, потрогав лоб старика.

— А кто же будет пасти овец?

— Я, — гордо ответил Айдар. — Садись, дедушка, на коня и езжай в аул.

— Какой же ты будешь чабан без коня?

— Дедушка, мне не нужен конь. У меня ноги быстрые, как у архара, глаза зоркие, как у сокола... Мне поможет верный пёс Удав.

— Я знаю, внук, что и смел ты, как барс, но оставить одного не могу.

Совсем плохо стало старику.

Айдар помог деду лечь на шкуру архара и принёс кружку чаю. Но старик не стал пить. Он закрыл глаза. Мальчик не знал, что делать. Скакать за доктором? Уж слишком далеко до аула, к ночи не успеешь возвратиться. Под-

нять больного старика и посадить в седло, чтобы конь отвёз его в аул? Сил маловато.

— Эгей! — крикнул Айдар. — Помогите!

— Не надо жаловаться людям, — сказал Мамет Алибаев. — Я поеду, внук, а к тебе пришлю твоего отца.

Уехал старик, и остался Айдар с Удавом сторожить отару.

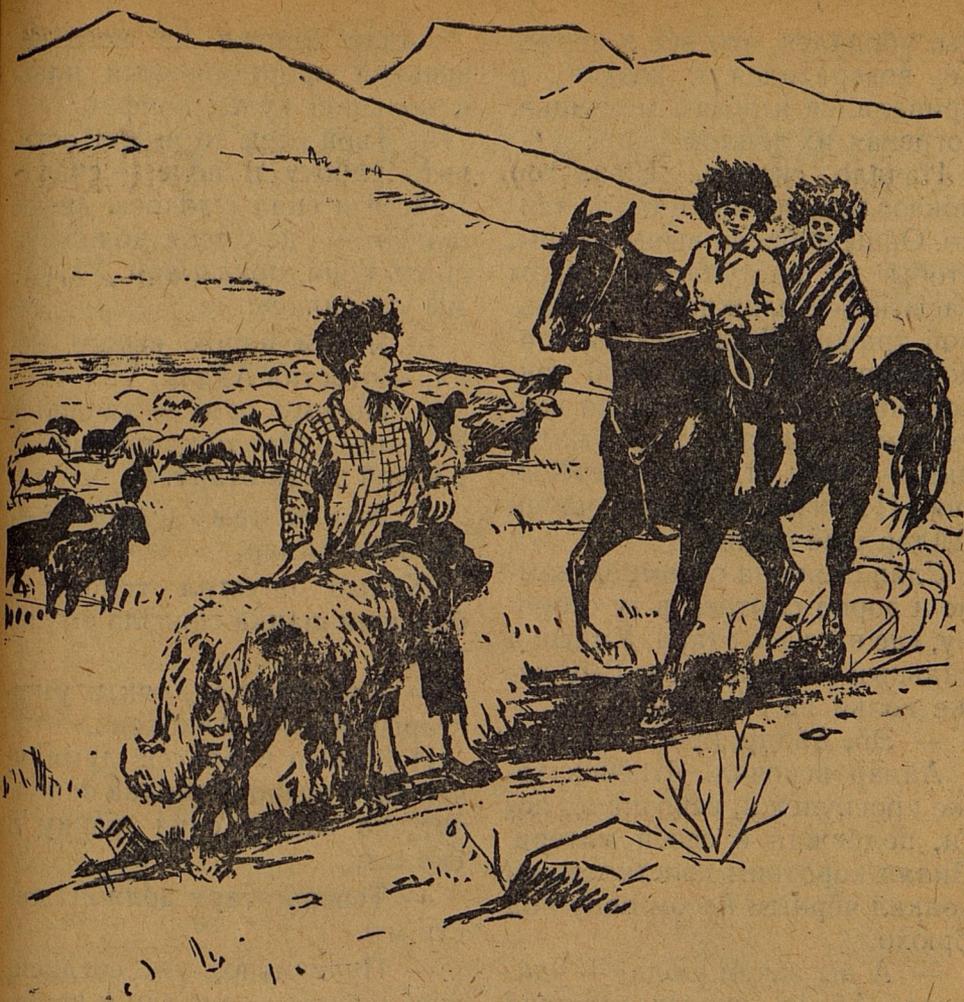
Наступила ночь. Овцы собрались у подножия, отдыхают. Удав привалился к ногам Айдара, спит. Но и сонный он поднимает то правое, то левое ухо, — прислушивается.

Жужжат надоедливые комары и лезут под телогрейку.

В горах тоненьким голосом залаяла лиса.

Айдару страшно смотреть на тёмные горы, и он смотрит на небо. Оно похоже на чёрное дырявое одеяло, будто сквозь множество отверстий видно, как кипит на небе золото.

Долго смотрел Айдар на небо и уснул крепким сном. И приснилось ему, что уже настало утро, а овцы разбрелись по горам. «Как их собрать?» — говорит мальчик и слышит в ответ голос Удава: «Садись на меня верхом, мигом разыщем непослушных овечек». Сел Айдар на пса и понёсся по горам, как на коньке-горбунке.

Ветер свистит в ушах, холод пробирается под телогрейку. И так стало холодно, что Айдар проснулся.

Совсем темно кругом. На-крапывает дождь, дует холодный ветер. Прижался мальчик к верному четвероногому другу, укрылся с головой телогрейкой. Пойти бы в шалаш, да страшно...

— Бе-е-е! — закричала одна овца.

— Ме-е!.. — пропищал тоненьким дрожащим голоском ягнёнок.

Удав лизнул маленького чабана в нос.

— Слышу, — сказал Айдар. — Пойдём.

Пес привёл Айдара к новорождённому ягнёнку. Овца-мать облизывала детёныша языком и сердилась на Удава — стучала передними копытами.

Айдар взял крошечного ягнёнка, прижал его к своему телу, укрылся вместе с ним телогрейкой и лёг у огромного камня. Овца-мать стояла рядом. Удав обошёл вокруг ота-

ры, убедился, что всё в порядке, возвратился к хозяину и привалился к ногам мальчика, согревая их теплом.

Начало светать. Из-за гор показалось солнце и стало тепло. Овцы побрели выше в горы, чтобы до наступления жары насытиться влажной питательной травой. Лишь старая горбоносая овца с красивой тонкорунной шерстью стояла возле камня и ждала, когда мальчик — чабан отдаст ей детёныша. Но ягнёнок и сам чабан Айдар ещё спали.

Удав стоял на огромном камне и зорко смотрел в ту сторону, где паслась отара. Умный и сильный старый Удав. Ему даже волки не страшны.

— Эй, Айдар, проснись!

Айдар вскочил. Ягнёнок тоже проснулся и, вскочив на ноги, подбежал к своей матери. Виляя коротким хвостиком, он толкал чёрным носом овцу под брюхо.

— А вы зачем сюда? — удивился Айдар, увидев сидящих на его коне Жакыпа и Байсена.

Мальчики прыгнули с лошади и подошли к Айдару.

— Вот, бери, это отец прислал тебе, — сказал высокий Жакып и положил на землю мешок.

Айдар достал из него новенький прорезиненный плащ и большой кулёк конфет.

— Твой отец не может оставить работу в поле, — сказал Байсен и снял с головы лисью шапку. — Где у тебя можно напоить коня, показывай. Ух, как мы утомились!

— Я сам напою своего коня, — ответил Айдар.

— Почему сам? — удивился Жакып. — Мы тоже останемся с тобой пасти отару.

— А как там дедушка? — спросил Айдар.

Жакып опустил голову, и большая шапка сползла ему на глаза:

— Как приехал, так и умер старый Мамет Алибаев...

И Жакып и Байсен думали, что внук старого чабана заплачет, но Айдар снял шапку и сказал:

— Теперь отару должны пасти мы.

— Правильно, — согласились ребята, — мы так и решили: пока взрослые работают в поле, нам нужно пасти отару. И назовём мы наше пионерское звено «Горные орлята».

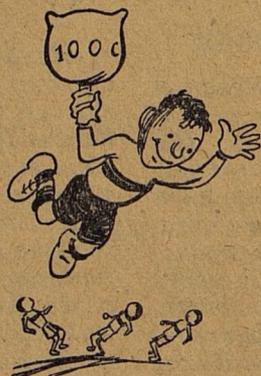
...Всё лето смелые ребята «горные орлята» и их друг Удав пасли овец в горах Чингиза.

Вокруг футбольного мяча

Футболисты избрали своей «покровительницей» богиню победы — Никэ. Высшая спортивная награда, которой награждаются лучшие мастера кожаного мяча на земном шаре, и представляет собой статуэтку Никэ. «Рост» её 30 сантиметров, вес 1800 граммов. Статуэтка сделана из чистого золота. На чемпионатах мира её завоёвывали спортсмены Уругвая (дважды), Италии (дважды), ФРГ и Бразилии.

Очередной чемпионат мира состоится в Чили в мае. Нынче сильнейшие команды будут награждены четырьмя медалями. Бронзовые получают футболисты за четвертое место, серебряные — за третье. Второй призёр будет награждён серебряными медалями с позолотой. И только чемпионы мира получат настоящие золотые медали. Им же достанется и золотой кубок с богиней победы Никэ.

Аргентинец Монти, известный под кличкой «Бизон», установил своеобразный «рекорд». На первом чемпионате мира он выступал в сборной Аргентины... а на втором — в команде Ита-

лии. За звонкую монету он изменил своей стране. Таких «футбольных наёмников», вероятно, увидят зрители и в Чили. В сборных Италии и Испании есть немало футболистов — южноамериканцев.

Мяч украли! Такое происшествие случилось в 1958 году в Швеции. Едва закончился решающий матч, в котором бразильская команда добилась победы, один из бразильцев опрометью выскочил на площадку, схватил мяч и был таков! Для победителей это самый дорогой сувенир.

Самым видным участником шведского турнира был аргентинец Коризо. Его рост 190 сантиметров, а вес 90 килограммов. Коризо играл вратарём.

Бронзовые медали в Швеции завоевали французы. Они больше других забили мячей и... больше всех пропустили в свои ворота.

На прошлом чемпионате мира самому старшему участнику было 42 года. Это был нападающий Лабруна из аргентинской команды. У парагвайцев в составе был 16-летний игрок. Правда, он весь турнир просидел на скамье запасных.

Футболисты Мексики, играя в Швеции, забили всего один мяч и набрали одно-единственное очко.

Нападающий немецкой команды Гельмут Ран получил необычный «приз». Один фанатичный болельщик, воодушевлённый игрой Рана, пообещал ему, что будет бесплатно стричь его всю жизнь в своей парикмахерской.

Много кличек присваивают футболистам. В Чили самую устрашающую будет носить вратарь сборной Колумбии Санчес. Болельщики прозвали его «крокодиллом».

Памятники

литературным героям

В Мадриде на площади Испании стоит памятник великому испанскому писателю Сервантесу. Памятник этот — огромное мраморное изваяние. Наверху — земной шар, вокруг которого сидят читатели с книгами, внизу, у подножия, сидит сам писатель. А перед памятником на отдельном постаменте стоит бронзовая группа — прославленный рыцарь Дон-Кихот на своём Росинанте и верный оруженосец хитроумного гидальго Санчо Панса.

Это не единственный памятник литературному герою. На реке Миссисипи в городе Ганнибале, где провёл своё детство Марк Твен, поставлен памятник двум мальчишкам — Тому Соьеру и Гекльберу Финну. Гек даже держит за хвост перекинутую через плечо дохлую кошку.

В копенгагенском морском порту сидит на огромных камнях грустная тоскующая бронзовая девушка с рыбьим хвостом. Это любившаяся датчанам героиня сказки Ганса Христиана Андерсена «Русалочка».

Одному из героев финского народного эпоса «Калевала» поставлен памятник в городе Хельсинки. А недалеко от итальянского города Пистойи, в маленьком селении Коллоди стоит памятник забавному деревянному мальчишке Пинноккио, герою одноимённой книги Карло Коллоди. У нас он известен как Буратино. А. Н. Толстой написал свою книгу «Золотой ключик» по мотивам произведения Коллоди.

Дом Шерлока Холмса

«Лондон, 221-Б, Бекер-стрит...» — этот адрес, очевидно знаком тем, кто читал рассказы Конан-Дойля о знаменитом английском сыщике. Но писатель был хитёр не только в изобретениях занимательных сюжетов. Чтобы читатели не вздумали отправить выдуманному им герою письмо, этот адрес Конан-Дойль просто выдумал. Дело в том, что в те годы, когда Конан-Дойль жил в Англии, на Бекер-стрит было всего восемьдесят четыре дома.

Литературоведы даже пытались найти: какой именно из восьмидесяти четырёх домов имел в виду писатель? В результате исследования они пришли к выводу, что Шерлок Холмс жил или в доме № 61, или в доме № 65.

Но годы шли своей чередой. Бекер-стрит застроилась, и на ней появился дом № 221-Б. И что бы вы думали? — в этот дом начали поступать письма от читателей рассказов Конан-Дойля! Почтальон передаёт их жильцу, проживающему в этом доме и взявшему на себя добровольные обязанности «секретаря Шерлока Холмса».

Кто как здоровается?

Для вас это — не вопрос. Ясно: все вежливые люди при встрече и при прощании подают друг другу руку. Люди более старшего поколения иногда, приветствуя друг друга, приподнимают головной убор, — это тоже означает: здравствуйте.

Рукопожатие — очень древний обычай. Оно появилось как символ договора о дружбе и мире. Но так здороваются далеко не везде.

Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский рассказывал о необычном приветствии у тибетцев. Там при встрече и прощании младшего со старшим первый наклоняет голову и при этом высовывает язык. Даже сейчас тибетские ламы, здороваясь, протягивают руки ладонями к гостю и также высовывают кончик языка, выказывая этим особую почитательность.

Некоторые племена юго-восточной Индии сохранили своё приветствие: при встрече прижимают рот и нос к

щеке гостя и производят сильный вдох. Они говорят не «поцелуй меня», а «обнюхай меня».

У коренного населения Новой Зеландии — маори — до сих пор сохранился такой обычай: друзья соприкасаются носами. Так же здороваются полинезийцы, малайцы и ряд других народов.

У айнов мужчина, встретив товарища, сначала трёт ладони, поднимает их ко лбу, затем гладит бороду. В Западной Африке здороваются ударами ладони по груди, а в Центральной Африке —

* БРИЛЛИАНТОВАЯ ПЕЩЕРА

На Урале, в сорока метрах от реки Салвы, в окрестностях города Кунгура находится ледяная пещера. Она знаменита своими гротами. Один из гротов носит название Бриллиантового. Стены и потолок этого грота покрыты кристаллами льда; с потолка свисают причудливые ледяные гроздья и гирлянды. Если бросить сюда луч света — всё вокруг заиграет разными красками, то затухая, то вспыхивая вновь, засверкает огоньками всех оттенков, — поистине покажется, что ты находишься среди миллионов бриллиантов.

вежливым поклоном и хлопаньем в ладоши. Японцы несколько раз кланяются и спрашивают друг друга о здоровье и благополучии.

Приветствия всех народов достойны уважения, — они выражают хорошие чувства людей.

ИСПОЛИН РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА

Слово «баобаб» по-негритянски означает «обезьянье дерево».

Впервые оно было обнаружено в труднодоступных лесах тропической Африки, а впоследствии — в Судане и Абиссинии.

Высота дерева бывает до 4,5 метра, а в обхвате баобаб нередко достигает двадцати четырёх метров. От ствола расходится во все стороны множество ветвей, которые из-за своей тяжести спускаются к земле и там, в свою очередь, пускают корни, от которых опять же идут новые ветви. Все эти ветви вместе с главным стволом составляют необычайную растительную громаду.

Белые цветы баобаба покрывают весь шатёр дерева. Цветы эти крупны: каждый достигает пятнадцати сантиметров в диаметре. Они содержат особое вещество, которое местное население употребляет как лекарство от тропической лихорадки. Мякоть плодов, в которой содержатся сахар, крахмал и молочная кислота, идёт в пищу. Не пропадает и скорлупа плодов. Её сжигают и, добавив в золу пальмового масла, готовят мыло.

Баобаб очень долговечен: он живёт шесть тысяч лет и более.

ИХ ПРАВЫ

«Рекордсмены»

Ох и трудно приходится богатым бездельникам за океаном! Столько у них свободного времени, что они просто головы поломали, думая, куда бы его девать. От скуки они чего только не выдумывают!

Вот недавно команды двух американских городов — Якима и Валли-Сирипче — устроили соревнование. «Спортсмены» забрались на крышу 14-этажного дома и по очереди бросали свои шляпы, пытаясь надеть их на голову девушки, стоявшей внизу. Победу одержали «спортсмены» города Валли-Сирипче.

Молодые лоботрясы из штата Виргиния тоже отличились в вы-

думке новых соревнований. Из двух пустых железных бочек и алюминиевой кровати они соорудили... корабль! Победитель должен был продержаться на этом сооружении на воде озера в течение ночи.

Американский журнал «Форум» также потряс своих читателей новой сенсацией. Он сообщил, что 13-летний калифорнийский школьник из города Сан-Педро Уолтер Рэббит увенчан лавровым венком чемпиона мира по жеванию резинки! Юный Рэббит, как сообщает журнал, не вынимал жевательную резинку изо рта в течение 14 дней!

Таким «выдающимся» способностям может позавидовать даже верблюд.

А некая 64-летняя американка Ив Макколи стала победительницей чемпионата... болтунов! Она непрерывно говорила 28 часов 44 минуты! После одержанной победы, она бодро заявила газетным репортёрам, что могла бы болтать и еще больше, если бы у неё нашлись серьёзные соперницы.

Вот уж действительно, от безделья до чего только не подумаешься!..

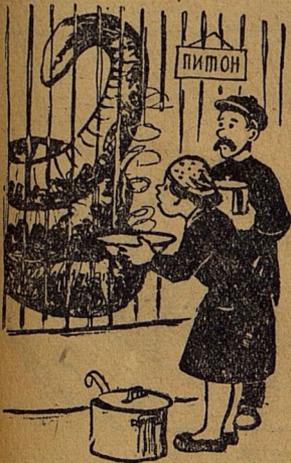
...средняя годовая температура воздуха в Европе за последние десятилетия неизменно повышается? Это наглядно подтверждают ледники Скандинавского полуострова: с каждым годом они отступают со скоростью нескольких сотен метров в год.

...из всех известных людям металлов самым лёгким является литий? Его атомный вес равен шести. До сих пор даже искусственным путем создать металл легче лития не удалось.

...морской лёд более чем в два раза прочнее речного?

...что дно морей и океанов постепенно поднимается? Это происходит в результате оседания твёрдых частиц, которые приносят в океан реки. Учёные подсчитали, что дно Тихого океана поднимается на полсантиметра за каждую тысячу лет.

...из животных дольше всех может голодать горный питон — одна из крупнейших змей в мире? В одном из зоопарков таковой питон отказывался от пищи в течение 2 лет и 9 месяцев.

Знаешь ли ты, что?

...вес одной саранчи составляет всего 2—3 грамма? Но если взвесить всю «тучу» саранчи, то тяжесть её превысит 10 тонн.

...длина тени, отбрасываемой Луной в мировое пространство, составляет 400 тысяч километров?

...ежегодный прирост населения земного шара составляет 40 миллионов человек?

...лотос — этот священный цветок народов восточной и юго-восточной Азии — растёт и у нас? В дином виде это замечательное растение можно встретить у берегов Каспия, у берегов Тихого океана. Лотос растёт в дельте Волги, в восточном Закавказье (в дельте реки Куры) и даже на Дальнем Востоке. Исследования показали, что в корневищах, молодой листве и прорастающих семенах лотоса содержится, кроме крахмала, большое количество других ценных веществ. Некоторые из них, такие, как алкалоид, нелумбин и другие, являются важными лечебными средствами.

...в летнее время в обычном пчелином улье живёт до 60 тысяч пчёл?

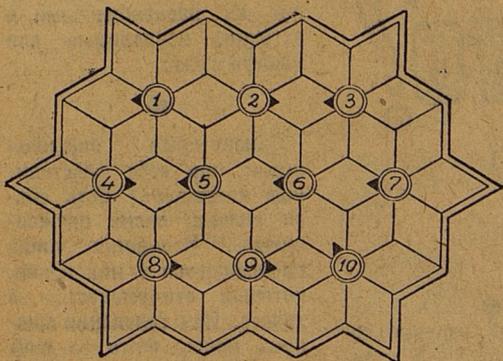
...пчела различает ультрафиолетовые лучи? Поэтому белые цветы для неё не являются белыми. Она видит их раскрашенными в оттенки, неувидимые для нашего глаза.

...некоторые ящерицы имеют при себе «постоянные кладовые»? Есть среди ящериц очень прожорливые. Излишняя пища превращается у них в жир, который откладывается в хвосте. При голодании ящерица может жить за счёт этих «накоплений» несколько месяцев.

...из животных мира быстрее всех бегает гепард? Его скорость — 105 километров в час. Лев и газель пробегают в час 80 километров. Заяц-русак развивает скорость до 55 километров в час. Среди птиц рекордсмен — стриж. Скорость его полёта — 110 километров в час. Чемпионом на дальность полёта является птица ржанка. Она совершает беспосадочный перелёт от Аляски до Гавайских островов, протяжённостью 3200 километров.

Впишите в клетки фигуры десять шестибуквенных слов. Первая буква каждого слова вписывается в отмеченную клетку, остальные — по часовой стрелке.

КАКОЕ ЧИСЛО Я ЗАДУМАЛ?

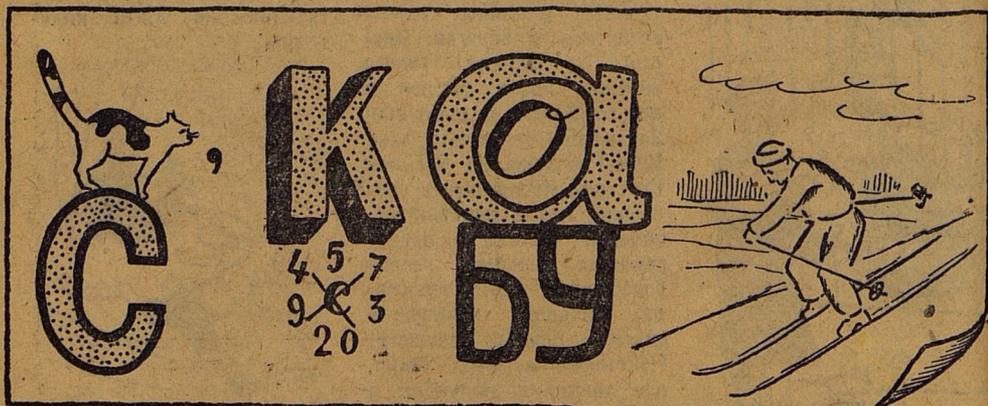
Эту задачу прислал ученик 187-й школы Давид Рабинович. Здесь 56 цифр. Одну из них Давид задумал... Как вы думаете — какую?

4	1	1	9	7	7	4	1
1	2	2	3	4	1	6	6
9	0	1	3	3	4	2	7
4	4	4	4	4	4	4	5
7	3	7	6	3	4	7	6
4	1	5	6	4	3	3	4
2	4	1	5	1	2	0	0

1. Искусственное волокно.
2. Железнодорожная посадочная платформа.
3. Нижний этаж зрительного зала.
4. Толстая, твёрдая бумага.
5. Повесть А. Н. Рыбакова.
6. Суд для сохранения пищи в горячем состоянии.
7. Инструмент для нарезания резьбы в отверстиях.
8. Советский детский поэт.
9. Действующее лицо из романа А. Дюма «Три мушкетёра».
10. Украинское женское имя.

Чтобы решить задачу, нужно найти стрелку, указывающую на задуманную цифру. Стрелка, правда, «спряталась», но если её поискать, то найти можно...

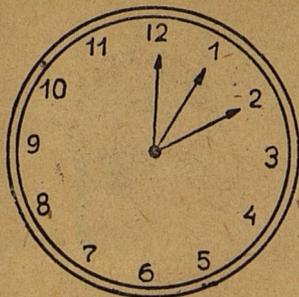
РЕБУС — ШУТКА

Разгадав ребус — прочтёте поговорку.

ЦИФЕРБЛАТ

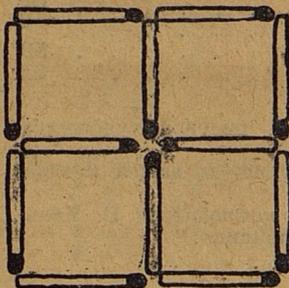
(А. Цветков, Ленинград)

Три стрелки делят циферблат на три части (сектора). Расположите стрелки так, чтобы суммы чисел всех трёх секторов представляли собой три последовательных числа натурального ряда.

ДВЕНАДЦАТЬ СПИЧЕК

Двенадцать спичек сложены так, чтобы образовались четыре квадрата...

1. Переложите три спички так, чтобы получились три квадрата.
2. Переложите четыре спички (в исходной фигуре), получив три равных прямоугольника.
3. Переложите пять спичек так, чтобы получились три равных треугольника.
4. Переложите шесть спичек, получив три равных трапеции.

АРИФМЕТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

(Составил Я. Алексеев)

Из цифр 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 7, взятых между собой в любом сочетании, нужно составить четыре числа, сумма которых равнялась бы 100.

Попробуйте решить задачу с помощью рассуждения.

283292

ЗАДАЧИ-ШУТКИ

1. Какое слово оканчивается на три е?.. А на три й?
2. Какая рыба, если в её названии изменить одну букву, сторит?
3. Если взять три ноты и в одну из них «вставить» союз, то получится то, что вы пишете на всех своих тетрадах.
4. В частях зацветающего растения есть... строительный камень. Его можно удалить, но он всё-таки останется!..
5. У А. Гайдара есть рассказ, название которого состоит из одних согласных букв: «РВС» Но и у А. П. Чехова есть рассказ, название которого удовлетворяет этому же условию... Какой это рассказ?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4)

КРИПТОГРАММА

«...Есть такая партия, это — наша партия, партия невиданных побед! Мы идём за нею к коммунизму — и другой дороги для нас нет!»

РЕБУС

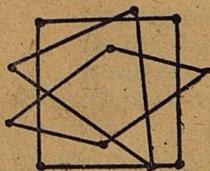
«Стремление вперёд — вот цель жизни!» (М. Горький).

ДВЕ ЗАДАЧИ

1. Смысл.
2. «Льгов».
3. Каток.
4. «Лакме».
5. Трест.
6. Струг.
7. Перов.
8. Топор.
9. Петит.
10. «Олеся».

В десятиугольнике: слово к месту говорится.

Решение второй задачи смотрите на рисунке.

ИЗ НЕВЫ — В МОРЕ

Нева — нива — ниша — ноша — нора — гора — горе — море.

СОДЕРЖАНИЕ

Нам сорок лет. Стихотворение Г. Саулова	1
Орденосец. Очерк В. Родионовой	2
Вожатый остается в строю. Очерк Г. Князева	10
Ленин читает «Правду»	20
Ленинградская легенда. Стихотворение Л. Хаустова	22
Поиски героя. Очерк А. Цветова	23
Творчество юных	29
Дневник ленинградской семьи. Очерк С. Зельцер и Е. Кисельер	32
Последняя граната. Стихотворение В. Алексеева	39
Очень хочется жить. Повесть М. Герчика	40
«Горные орлята» — смелые ребята. Рассказ А. Жарикова	54
Спортивный калейдоскоп	57
Литературная шкатулка	58
Пёстрые заметки	59
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й и 4-й страницах обложки — рисунок художника К. Бекташева «Нам сорок лет».

На 2-й странице обложки — «Документы вашей биографии».

На 3-й странице обложки — песня композитора Б. Кравченко на слова В. Сулова «Зовёт барабанщик».

И. о. редактора А. А. БЕЛЯКОВА

Адрес редакции: Ленинград, центр, Фонтанка, 57 (вход с Торгового пер., 1)
Тел. А 4-54-90

Сдано в набор 12/IV 1962 г. Подписано к печати 18/V Зак. № 626. 4 печ. листа
М-07111 Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000.

Типография имени Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

ЗОВЁТ БАРАБАНИЩИК

1. Гремел над страной молодой гражданский ураган. Готовясь к последнему бою, бойцов собирал барабанщик. Бежали по улице нашей мальчишки из каждого двора. Идёт барабанщик, зовёт барабанщик отважных и стойких вперёд!

2. Вставала заря над страной, и грудью врезаясь в туман, скалистой тропой круто строителей вёл барабанщик. Отряды в таёжные чащи за ним выступали в поход.

Музыкальные обозначения: *f*, *trp*, *3*, *широко*, *Без*, *Энергично*, *Повторение*, *Продолжение*, *И*, *ред!*, *2. Вста*, *Конеч*, *trp*.

Гремел над страной молодою
 Гражданской войны ураган.
 Готовясь к последнему бою,
 Бойцов собирал барабан.
 Бежали по улице нашей
 Мальчишки из каждого ворот.
 Идёт барабанщик!
 Зовёт барабанщик
 Отважных и стойких вперёд!

Вставала заря над страной,
 И, грудью врезаясь в туман,
 Скалистой тропой круто
 Строителей вёл барабан.
 Отряды в таёжные чащи
 За ним выступали в поход.

Идёт барабанщик!
 Зовёт барабанщик
 Отважных и стойких вперёд!
 Идёт барабанщик по свету,
 Уносится к звёздным мирам.
 Готова в дорогу ракета.
 — К полету! — гремит барабан.
 Он первым на дальней план
 Две палочки в руки возьмёт
 Идёт барабанщик!
 Зовёт барабанщик
 Отважных и стойких вперёд!

Музыка Б. Кравченко
 Слова В. Суслова

НАС

18

МИЛЛИОНОВ

СВАТОВ 43.70
ВЕРНОКОПА 2
ОБЛ ДЕТЕК Б-КЕ
14 1.12 ИКОПИЯ 3